

Р. М. Коваль, В. С. Прийменко

РУССКИЙ СЕВЕР

КИРИЛЛОВ ФЕРАПОНТОВО

||| 703450

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

79
К 56

72 с 8 Вол. в Гл. + Кр

Оформление и макет Б. А. Денисовского, В. С. Приimenko

Кажется, что эхо далекого прошлого звучит здесь отчетливее, чем в других, более людных и исхоженных местах. Оно слышится в самом названии края, в часто повторяемом здесь слове «Север». Вологодская область — какой же это север? — спросит читатель. Север суров и труднодоступен, а от Москвы до Вологды, Белозерска, Кириллова — рукой подать. Север действительно отступил, «откатился» от этих мест. А ведь еще в начале XX века посещения края были довольно редкими «вследствие трудностей путей сообщения». Насколько же сложнее было добраться сюда, на северо-восточную окраину государства, жителю Московской Руси, какие лесные дебри предстояло одолеть, какими десятками рек и озер проплыть. . . Достичь этих мест — уже было подвигом.

Северными землями издавна владели отважные и предприимчивые новгородцы. Позднее, в пору монгольского завоевания, Русский Север, отгородившийся лесами и болотами, стал прибежищем для спасавшихся от чужеземного ига. Поднимающаяся Москва, борясь за земли, за первенство, оттесняет Новгород. С двумя этими городами главным образом и был связан Русский Север. На протяжении нескольких столетий он был важной и деятельно живущей частью Московского государства, разделяя судьбы его и часто влияя на них.

Земли, лежащие вокруг Белого озера — Белоозером называют их древние документы, — лишь небольшая часть этого громадного района. Именно здесь, на Белоозере, сохранились почти без искажений святыни древнего русского искусства — ансамбли Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей. В те давние времена творческая энергия и талант жителей Русского Севера, обогащенные достижениями искусства Новгорода, Ростова Великого, Москвы, дали яркую вспышку, воплотившуюся в памятниках, замечательных по искренности и жизненной силе. Тяготеющие друг к другу монастыри образуют некий дуэт: Кириллов — эпически былинный, мужественный; тональность Ферапонтова — лирическая, мягкая. То доброе, здоровое начало, что заключено в этих великих памятниках Русского Севера, и по сие время оказывает благотворное действие на человеческую душу.

Кому-то наш альбом напомнит уже виденное, а у кого-то вызовет желание *УВИДЕТЬ ВСЕ СВОИМИ ГЛАЗАМИ*. Главная же его задача — приобщить людей к той удивленной и благодарной любви, которая рождается здесь так просто, так легко и живет в памяти сердца прочно, не слабея. Таковы цели, к которым мы стремились, составляя этот альбом.

КИРИЛЛОВ

ГРАД ЛЕТОПИСНЫЙ
МОНАСТЫРЬ-КРЕПОСТЬ
ЗА СВЯТЫМИ ВОРОТАМИ
МАЛЫЙ МОНАСТЫРЬ

ГРАД ЛЕТОПИСНЫЙ. Одно из сильнейших впечатлений, возникающих от ансамбля Кириллова монастыря — его вид издали.

По дороге из Белозерска в семи-восьми километрах от Кириллова появляются вдруг на линии горизонта купола церквей и восьмерики монастырских башен, в лучах заходящего солнца похожие на розовые цветы. А потом, столь же неожиданно, из-за поворота дороги, почти у самого подножия монастыря, возникает широко размахнувшаяся стена, заключенная между Московской и Белозерской башнями, с Косой башней на изломе.

По вологодской дороге, с северо-востока, приближался к Кириллову путешественник середины XIX века, автор сочинения «Русская Фиваида на севере» А. Н. Муравьев. «Волнообразными холмами подымалась почва земли, иногда каменистая, и с обеих сторон дороги открывались озера ... С одной из сих высот внезапно показалась, еще за десять верст, белокаменная обитель Кириллова, вся обнесенная башнями, как бы некий кремль, в ярких лучах утреннего солнца, и тотчас же скрылось чудное явление ... Глубокое впечатление произвел на меня этот первый взгляд на летописный Кириллов ...»

9

В Кириллов из Вологды можно попасть не только по этой древней дороге, но и парходом. Вид со стороны озера или же с противоположного южного берега, от деревни Лукинки, — одна из самых характерных точек зрения на монастырь. Его попросту невозможно представить без озера. Он встает из вод, вытянутый по горизонтали, тяжелый, устойчивый, иногда — невесомый, растворяющийся в тумане. В яркий солнечный день тремя внушительными опорами воспринимаются угловые башни — вдающаяся в озеро, по левую руку, Белозерская, а справа — Кузнечная и Вологодская. Образуется на редкость выразительный силуэт: башни-вертикали, между ними, как паузы, горизонтали стен, а в центре четко вырисовывается пирамида — колокольня с прилегающими церквями.

С юго-западной стороны, в семи километрах от Кириллова, на берегу Шексны, лежит село Горицы¹. У подступов к нему высится господствующая над округой гора Маура. Профессор Московского университета С. П. Шевырев, в 1847 году побывавший в Кирилло-Белозерском монастыре, писал: «На возвратном пути в Кириллов мы вышли из тарантаса у подошвы горы Мауры, на которую надобно же было непременно взойти, чтобы ... помянуть Преподобного Кирилла ... Кругозор обнимал бесконечное пространство во все стороны на несколько десятков верст. Часть неба с правой стороны была одета тучей ... Но весь горизонт к Кириллову монастырю освещался уже солнцем в самом блистательном его закате. Озеро Сиверское во всю свою пятиверстную длину, голубое и подернутое сильной рябью от протекшей грозы, расстилалось внизу ... Стены монастыря и его башни ... стояли снегу белее в солнечном освещении».

Теснейшая органическая связь существует между монастырским ансамблем и окру-

¹ В середине XVI века боярыней Ефросиньей Старицкой в Горицах был основан женский монастырь. Значительная часть его строений сохранилась до сих пор.

жающей его природой. Здесь сказалась характернейшая особенность древнего русского зодчества: руководствуясь чутьем не в меньшей мере, чем конкретными знаниями, старые мастера творили в полном согласии с окружающей земной красотой. С естественностью природных организмов возникали разнородные сооружения средневековой Руси.

В огромной мере усиливает впечатление от древней архитектуры небо, вообще пространство, даль. Самые очертания монастыря представляются напряженной и богатой вариацией линии горизонта, холмистой дали, лесов. Неисчерпаемое разнообразие комбинаций возникает при взаимодействии здешнего громадного неба с монастырским ансамблем. Над монастырем громоздятся, перекликаясь с формами круглых башен и церковных главок, белоснежные, каждое мгновение меняющиеся призрачные города.

Когда-то монастырь со всех четырех сторон был окружен водой. Рвы, что шли вдоль северной и восточной стен, теперь еле угадываются, но по-прежнему западнее монастыря, у его подножия тянется Долгое озеро, и почти вплотную к южной стене подступило озеро Сиверское. Вода, ее непрерывное движение обогащает впечатление от монастыря. Четкие, определенные формы монастырских строений воспринимаются как сильнейший противовес подвижности воды. Сиверское озеро — живое зеркало монастыря. Оно удвоит его образ, являет его то мозаически дробным, то, в тихую погоду, в чуть колеблемой цельности.

Летом густая листва тополей и лип бросает на монастырские стены и церкви живые тени и, подобно воде, подчеркивает устойчивость, прочность каменных строений; зимой сквозной узор голых ветвей контрастирует с массивностью и белизной монастырских стен.

Выбор места для будущего монастыря не был случайным: по преданию, именно с вершины Мауры в первый раз увидел Кирилл место будущей обители. «По обхождении же многих мест . . . придоша на место идеже ныне монастырь стоит и . . . позна . . . место, и возлюби е зело . . . и рече: Се покой мой и в век века zde вселюся».

Одна из малых икон, некогда находившаяся в Успенском соборе Кириллова монастыря, датируется 1424 годом¹. Изображен узкоплечий, сутулый старичок маленького роста, с непомерно большой головой. Это Кирилл Белозерский, писанный Дионисием Глушицким за три года до смерти основателя монастыря. Высокое изборожденное морщинами чело, твердый взгляд умных глаз под высоко поднятыми бровями. В этом человеке, исполненном скромности и достоинства, угадывается внутренняя сила и значительность.

Уроженец «преименитого града Москвы, благородных и благочестивых родителей сын», Косьма постригся в монахи московского Симонова монастыря в возрасте около тридцати лет. Рано осиротевший, он жил в семье родственника Тимофея Васильевича Вельяминова — окольничего великого князя Дмитрия Донского. На жизни Кирилла лежат отсветы великой эпохи освобождения Руси от татаро-монгольского ига — Вельяминов

¹ Ныне икона хранится в Государственной Третьяковской галерее.

пал на поле Куликовом; в годы, проведенные в Симоновом монастыре, Кирилл помногу часов беседовал с приходившим туда Сергием Радонежским. Сергей Радонежский — один из великих людей той эпохи. Это он благословил князя Дмитрия на битву с татарами и предрек ему победу. «Иди, господин, иди вперед, Бог и святая Троица поможет тебе!» — такую грамоту послал Сергей вслед Дмитрию, приближавшемуся с войском к Дону. Видя неисчислимые бедствия, проистекавшие от междоусобиц и розни, Сергей прилагал громадные старания, чтобы объединить русские силы, примирить боровшихся между собой князей. Основанный им монастырь получил название Троицкого, главным храмом обители поставлен был храм Троицы. Троица понимается Сергием как символ нерасторжимого единства, «как зеркало для собранных им в единожитие, дабы взиранием на Святую Троицу побеждался страх перед ненавистной раздельностью мира». Из числа последователей и учеников Сергия Радонежского, людей мужественных и деятельных, вышли основатели новых монастырей, распространивших просвещение и влияние Москвы далеко на восток и север. Среди этих людей первым должен быть назван Кирилл Белозерский.

В «Житии Кирилла» мы находим детали, позволяющие почувствовать натуру, обретающую душевное равновесие в действии и в общении с людьми.

Трудясь в хлебне, Кирилл «сам носил воду, рубил дрова и, разнося теплые хлебы братии» был «похваляем за свое неутомимое рвение». Позднее, работая в жару и чаду поварни Симонова монастыря, он утешал себя: «Терпи, Кирилл, дабы сим огнем избежать тамошнего», адского. Но вот «пришел ему помысел проситься из поварни в келью, не для покоя, а больше для безмолвия». Архимандрит велит ему списать некую книгу. Начал, однако, Кирилл замечать, что «в ночных молитвах не столько уже имел умиления, сколько бывало в поварне, несмотря на многолюдство». С радостью подчиняется он приказанию оставить «келейное безмолвие» и вернуться в поварню. Поднимаясь по ступеням церковной иерархии, Кирилл прошел путь от послушника до настоятеля Симонова монастыря. Однако в архимандритах он был недолго: в «Житии» глухо говорится о разногласиях с братией, недовольной строгими порядками, введенными Кириллом.

Кириллу шел шестой десяток. Все настойчивее становилось желание оставить Симонов монастырь. Однажды, рассказывается в «Житии», поздним вечером, во время пения акафиста, гимна в честь богородицы, послышался ему голос: «Кирилл! Изыди отсюда и иди на Белоозеро: там тебе приготовила место, где можешь спастись». Вскоре возвратился в Симонов с Белоозера посылаемый за «куплями» инок Ферапонт. Кирилл стал спрашивать Ферапонта: «Есть ли место на Белом озере, где бы можно было бы безмолствовать?» — «Много там таких мест к уединению», — отвечал Ферапонт. Но не было ни безмолвия, ни уединения: тридцать лет, проведенные Кириллом на берегах Сиверского озера, отмечены неутомимой деятельностью. В 1397 году им был основан общежительный монастырь (с общею трапезою, с непременною передачей личных средств в казну). В год смерти Кирилла — он умер в девяностолетнем возрасте — в нем было пятьдесят три человека. Из монастыря

можно было свободно уйти, но вступившие в него подчинялись суровым законам, уставу, учрежденному Кириллом. Так, предписывалось строгое благочестие поведения в церкви; за трапезою, самую умеренною, соблюдалось полное молчание; всякий хмельной напиток в обители был строго запрещен. Все иноки были заняты на монастырской работе. Никто не смел называть что-либо своим. Все потребное из одежды выдавалось из казны. Ни одно письмо, посланное в монастырь или из монастыря, не проходило мимо настоятеля.

Еще при жизни Кирилла в монастырь начали поступать богатые вклады; самыми разными путями было получено около сорока земельных участков.

Во второй половине XV — первой четверти XVI века активность монастыря в приобретении земель заметно падает. И неслучайно. То было время весьма широкого распространения среди русского монашества идей Нила Сорского, идей нестяжательства. Нил отвергал «вещелюбия», призывал к тому, чтобы «у иноков все было «немногоценна и неукрашенна». На церковном Соборе 1508 года он настаивал на отказе монастырей от земельных приращений. Нил, бывший одно время иноком Кирилло-Белозерского монастыря, приходит к отрицанию идеи общежительства. По его мнению, монахам следовало жить в скитах и кормиться плодами собственных трудов.

Для первого столетия в жизни монастыря характерна сравнительно сдержанная строительная деятельность. Помимо бревенчатых келий и некоторых хозяйственных построек, возведена только деревянная Успенская церковь. В 1497 году на ее месте было сооружено первое каменное строение монастыря — Успенский собор.

Начиная со второй половины XVI века общая картина резко меняется: необычайной интенсивности достигает приобретение земель, а строительство ведется с небывалым до того времени размахом. Это было связано с оформляющимся крепостничеством, превращением великокняжеской власти в самодержавную, все более четко проявляющейся зависимостью монастыря от государственной власти, а в области идеологии — в победе над нестяжателями «иосифлянства» — идей Иосифа Волоцкого, защищавшего общежительство, монастырское землевладение, активную хозяйственную деятельность монастырей.

Самодержцы «всей Руси» благоволили монастырю. Иван Грозный, трижды посещавший Кириллов, в одном из посланий писал: «... с радостью положил я обещание перед вами: если благоволит Бог в благополучном здравии мне постричься, то нигде иначе как в пречестной обители чудотворца Кирилла». (Перед самой смертью Иван, приняв имя Ионы, постригся иноком Кириллова монастыря.) Никогда до и после не текли в монастырь такой обильной рекой дары всякого рода — земельные, денежные, в виде драгоценных облачений и утвари. После самых свирепых расправ, жертвами которых оказывались сотни и тысячи людей, Иван Грозный, замаливая грехи, жаловал монастырю для заупокойного поминовения опальных невиданные по тем временам суммы: всего более двадцати восьми тысяч рублей. Вносили богатые вклады и те из бояр, кто надеялся богоугодным поступком обрести небесное покровительство. Иные постригались, чтобы избежать

преследований. Имущество новых иноков частично или целиком переходило в собственность монастыря. К XVII веку Кириллов монастырь превратился в одного из крупнейших феодальных землевладельцев на Руси: ему принадлежало три волости, одна слобода, пятьдесят одно село, восемьсот восемьдесят деревень. По богатству и влиянию он уступал только Троице-Сергиевой лавре.

В связи с заботой централизованного Русского государства об укреплении рубежей в первой четверти XVI века Кириллов монастырь начал приобретать характерный облик крепости. Возводятся каменные стены, возникает так называемый Старый город. В «смутное время» монастырю пришлось выдержать тяжелую осаду. Литовцы, поляки, многочисленные «воровские люди» не раз подступали к его стенам, но взять монастырь не смогли. По приблизительным подсчетам монастырь понес убытки в пятнадцать тысяч рублей. Частично или полностью были разрушены многие монастырские постройки.

Последний в истории монастыря период энергичных строительных работ приходится на вторую половину XVII столетия: опасаясь шведской интервенции, с западной, северной и северо-восточной сторон монастыря возводят новые стены и башни. По повелению царя Алексея Михайловича на крепостное строительство из государственной казны было отпущено сорок пять тысяч рублей. Отстроенная крепость никогда, однако, осаде не подвергалась. После сооружения Нового города окончательно сложился величественный ансамбль Кириллова монастыря.

Вся многообразная хозяйственная и строительная деятельность монастыря-вотчинника опиралась на жесточайшую эксплуатацию крепостных крестьян. История монастыря на протяжении XVI—XVII веков пестрит драматическими эпизодами. В многочисленных челобитных крестьяне молят о снисхождении: «Оброк неплачен, неведомо, как и собрать»; «Пахать не в моготу, по вся дни и в господние праздники всегда на монастырской пашне ... и оттого мы вконец разорилися»; «Для чудотворца Кирилла и Пречистые Богородицы не велите нас в оброчном хлебе на правеже забить, скудны и бедны, государи, смилуйтесь!»

XVIII—XIX века в истории монастыря — время оскудения и упадка. При Петре I доходы монастыря резко сокращаются. Кирилловские каменщики и плотники по требованию государя уходят на строительство Петербурга. Переливают на пушки монастырские колокола. П. И. Челищев, товарищ А. Н. Радищева по пажескому корпусу, посетив Кириллов в конце XVIII века, описывает удручающую картину запустения и беспорядка: «... лишь только отворили мне Предтеченскую церковь, то во оной возле дверей показался сует снег ... посреди церкви нашли мертвую галку, ибо по неимению во оной церкви в верхних окнах стекол, все кормящиеся в монастыре галки от холодной и ненастной погоды имеют убежище в сей церкви ... Архимандричьи и все монашеские кельи в великом беспорядке и нечистоте ... Там нет ни нравов, ни благочиния, ни радения ни в ком и ни в чем».

В начале XX столетия в монастыре жили двадцать монахов.

После Октябрьской революции Кирилло-Белозерский монастырь был взят под госу-

дарственную охрану; основанный в 1924 году Историко-краеведческий музей, в 1956 году преобразован в Историко-художественный, а в 1968 году монастырь объявлен заповедником. Впервые после двух с половиной столетий небрежения этот исключительный по своему художественному значению ансамбль становится объектом интенсивных реставрационных работ. Туристов, прослышавших о величии и благородной красоте Кириллова монастыря и стремящихся увидеть его своими глазами, сейчас больше, чем некогда богомольцев.

14 **МОНАСТЫРЬ-КРЕПОСТЬ.** «Место оубо мало и кроугло, но зело красно всюду яко стеною окружено водами». Никто из писавших об ансамбле Кириллова монастыря не мог пройти мимо этих слов из «Жития Кирила Белозерского», составленного Пахомием Дагофетом. Важна их живая интонация, живое выражение чувства прекрасного, поэтическое сравнение окружающих вод со стенами. Стена — защита, стена — отъединенность, обретение покоя и одиночества. Монастырь, занимавший во времена Пахомия место «малое», грандиозно разросся за XVI—XVII столетия.

Мы перед главной въездной Казанской башней. Но еще прежде чем войдешь внутрь, необходимо обойти монастырь кругом, оценить то исключительное богатство впечатлений, которые возникают при взгляде на монастырь с разных точек зрения.

Казанская башня. Мощный, почти кубический объем. Белизна стен оттенена резкой чернотой прямоугольных щелевидных и маленьких круглых бойниц. Над аркою въездных ворот в киоте вылинявший от времени образ Христа с предстоящими. Четырехскатная крыша завершается шпилем, на котором вращается флюгер — трубящий архангел. Это самый большой и самый нарядный среди флюгеров Кириллова монастыря. В середине XIX века обветшавшие шатры монастырских башен были заменены кровлями, существующими до сих пор. Тогда же появились и флюгера. Формы их несколько озадачивают. Какой иноземный мастер делал их? Откуда идут эти острые готические флюгера-флажки на угловых башнях. Или характерный разворот ноги архангела в остроносой готической туфле? И все же эти флюгера и кровли с их несколько усложненными очертаниями воспринимаются сейчас как нечто привычное: они вписались в целое.

От Казанской башни (она названа так потому, что находилась близ Казанской церкви) направимся к восточной, Вологодской. Когда-то вдоль стены тянулся глубокий ров с водой. Сейчас о нем напоминает лишь ядовито яркий цвет осоки. Монастырские стены достигают здесь высоты четырехэтажного здания. Амбразуры подошвенного боя, многочисленные бойницы верхней части стены, кажется, настороженно следят за приближающимися. Лишь эти бойницы да два валика оживляют поверхность крепостной стены. Заставляет почувствовать мощь стены и ее фундамент, сложенный из громадных глыб-валунов.

Вологодская башня имеет форму восьмигранника. Ее отличает от других башен некоторая вычурность, сочетающаяся с сухостью в исполнении деталей. Известно, что когда

в XVII веке было решено укрепить монастырь, возвести Новый город, монахи просили царя Алексея Михайловича разрешить им «новый каменный город строить ... как у Троицы в Сергиевом монастыре строен». В знаменитый подмосковный монастырь из Кириллова были отправлены строители «для досмотру городского каменного дела». Вологодская башня была первой по времени строительства, и потому она оказалась ближе других к сооружениям Троице-Сергиевой лавры. В отличие от угловых шестнадцатигранных Кузнечной, Московской, Белозерской башен Вологодская производит впечатление куда более сильно изрезанной гранями, хотя здесь их только восемь. Горизонтальные тяги и лопатки дробят форму. Суховатая регулярность, геометрическая правильность и измельченность деталей спорят с общей грузной массой башни.

Если оглянемся назад, увидим Казанскую башню, прильнувшую к Московской. Четыре оконца — бойницы Казанской как бы продолжены четырьмя бойницами Московской. Московская башня выше и стройней, но шпиль и флюгер Казанской выше, чем на Московской. Возникает впечатление сложной и гармоничной уравновешенности.

15

На фоне озера, его зимней белизны или живой серебряной поверхности, на фоне далекого противоположного берега рисуется коренастый силуэт Кузнечной башни. Ничего не осталось от утомительной вычурности Вологодской башни. Глубоко трогает эта совершенная простота форм. От Кузнечной башни, так же как и от всего Нового города, возникает впечатление богатырской силы.

За Кузнечной башней, с озерной стороны, открывается тихая заводь. Она замкнута между Кузнечной и Свиточной башнями. Прикрытое монастырскими стенами озеро здесь часто бывает тихим. В воде отражаются три башни. Две из них — Глухая (Котельничья) и Свиточная¹ — значительно меньше Кузнечной. В этом месте и стены невысоки, — перед нами часть монастыря, относящаяся к XVI веку². Какой контраст с Новым городом! Там громадные, высотой от двадцати до сорока метров, башни, стены вдвое более высокие, лишённые украшений (впечатление возникает от размеров и самих форм, внушительных и простых). Глухая и Свиточная башни украшены полосами простого кирпичного узора, возникшего из желания старых мастеров оживить сооружение. Идут, чередуясь, полосы нишек, зигзага-бегунка, поребрика и опять нишек. Исходным модулем здесь является размер кирпича. Между зданием и кирпичным узором достигается полное согласие. Орнамент прост, благороден, радостен.

Геометрически четкий конус шатрового покрытия Свиточной башни по форме контрастирует с четвериком ее основания, стены которого как бы вылеплены от руки.

Примерно на середине пути между Свиточной и Белозерской (Большой Мереженной)

¹ Кузнечная башня получила свое название от расположенной в ее нижнем этаже кузницы. В Котельничьей некогда изготавливались котлы для поварни. Глухой ее назвали из-за того, что вход в нее был позднее заложен. При Свиточной башне монастырские службы занимались стиркой рубах — свиток.

² Стена, идущая от Свиточной башни, дошла в перестройке XIX века.

башнями¹ монастырскую стену прорезают ворота, выходящие на озеро. Над воротами высится бывшая церковь Преображения, построенная во второй половине XVI века. Она дошла до нас в сильно перестроенном виде, и только озерный фасад сохранил ее первоначальный облик. Впадинок сухого рисунка, лопаток-тяг, арок чрезмерно много. Форма выводится неуверенно. Во всем видно робкое повторение традиционных мотивов.

Между Преображенской церковью и Белозерской башней, которые воспринимаются как масштабные доминанты, находятся две маленькие башенки, так называемые палатки — Поваренная и Хлебная. Они были названы так потому, что располагались по соседству с поварней и хлебней. Несмотря на то что одна из них (Поваренная) была переложена в середине XVIII века, они воспринимаются в единстве. Подобно Глухой башне, оттеняющей величие Кузнечной, эти башенки, расположенные у подножия Белозерской, подчеркивают ее монументальность и предстают в своей характерной интимности, соразмерности с человеком.

До уровня стен сохранилась древняя Мереженная башня. Это часть построек первой половины XVI века. Мы вновь встречаемся с простым и благородным орнаментом, выложенным из кирпича.

Когда-то у основания Белозерской башни с внутренней стороны было строение. От него осталось лишь два маленьких окна в глубоких нишах с железным переплетом. Здесь перед нами впервые открывается часть внутреннего пространства монастыря.

Угловые, со «смотрильнями» наверху, усеянные бойницами башни по суровости и мощи напоминают сооружения романского стиля. Белозерская башня стоит на мысу, как маяк или дозорный. Она смотрится более массивной, чем северная, Московская, с ее высокой, отдаленно напоминающей шатер кровлей. Стена, соединяющая Московскую башню с Белозерской, вдается несколько вглубь. На месте образовавшегося угла сооружена квадратная в плане Косая башня, напоминающая Казанскую, и так же, как она, бывшая когда-то воротной (ворота с давних пор заложены). Верхняя часть башни обвалилась. Кровля теперь начинается на уровне линии стены. Шпиль украшает диковинный, уже совершенно западного готического образца, флюгер в виде флажка с раздвоенными, как бы изгибающимися на ветру концами.

Вдоль западной стены монастыря идет протока, соединяющая Сиверское озеро с Долгим. В тихую погоду в воде отражаются башни. Из-за прибрежных кустов, водяных растений, торчащих из воды коряг эти отражения приобретают самые причудливые формы.

Поблизости от Белозерской башни находятся древние Троицкие ворота. Нельзя не обратить внимания на мощный кованого железа переплет, на его надежные, массивные и чуть неуклюжие формы. А дальше — массивная железная решетка, перекрывающая речку Свягу, снабжавшую когда-то монастырь водой.

¹ В башне хранились рыболовные снасти — мережи.

Если у основания Московской башни обернуться назад, видишь характерный излом стены с Косой башней; при взгляде вперед — чувствуешь себя захваченным силою перспективного сокращения стены, устремившейся к Вологодской башне.

Лишь обойдя монастырь, воспринимаешь громадные его размеры, его истинное величие, улавливаешь своеобразие его составных частей. Новый город — это главное, что определяет впечатление от наружного облика монастыря; Старый город как бы заключен в объятия Нового.

Смысл крепостной архитектуры Кириллова монастыря многозначен. Здесь и обращенность вовне, к возможному врагу. Некий образ обороны, неприступности, готовности к сопротивлению. Заключено в этой архитектуре и иное: монастырь-феодал господствует над окружающей местностью. Мы можем представить, какой страх и отчаяние, какое чувство ярости и бессилия возбуждали монастырские стены у крестьян-недоимщиков, у тех, кому предстояло быть до смерти забитому на правеже.

Сейчас монастырская крепость воспринимается как образ «многоглаголивого прошлого». Давно утратила она свое военное и политическое значение, теперь ее величие не подавляет. На нас воздействует ее архитектурный образ: состояние бодрости и подъема возбуждает общий вид монастыря, его башни и стены.

Мы проходим в ворота Казанской башни. Открывшееся пространство оказывается неожиданно громадным: когда идешь вдоль внешней стороны стен, кажется, что они закрывают площадь гораздо меньшую. Перед нами часть монастыря, называвшаяся в старину «городом»; «имя сие получила от огромной в три яруса ограды, которая заключает как большой, так и меньшей монастырь и острог». Галереями охвачено пространство от Московской башни до Казанской и Белозерской, с одной стороны, от Вологодской до Кузнечной и Казанской, с другой. Уходящую перспективу особенно остро чувствуешь, потому что она расчленена аркадой второго и столбами третьего ярусов. Нижний ярус воспринимается как своеобразное основание, цоколь. Когда-то здесь были кладовые, в которых хранились боеприпасы; в кельях размещался гарнизон.

Если прежде, идя вдоль монастырских стен, мы мысленно представляли тех, против кого была воздвигнута эта, по словам патриарха Никона, великая царская крепость, то теперь в первую очередь думаешь о защитниках монастыря. В первой четверти XVII века в монастыре, в башнях и «по городу» на ярусах, находилось тридцать пять пушек. По тем временам это было много: лишь отдельные русские города, случалось, имели до тридцати орудий. В описи монастырского имущества 1621 года упоминается «восьмеры латы, 72 пансырей и кольчуг ... 66 шеломов и шапок целых, 118 самопалов московского дела ... пороху 16 бочек ... 1015 ядер железных пушечных да пулек свинцовых 21 пуд...» А сверх того перечисляются «пищали аглинские», «пищали скорострельные железные корабельные дробовые» и так далее.

703450

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека

Каждое орудие имело название, связанное с именем сделавшего его мастера (орудие «Кашпир» от имени оружейника Кашпира Ганусова), или характеризующее его качества («Лев», «Порывай», «Попугай»)¹.

Новый город строился местными силами. К его возведению приступили в 1653 году. Через восемь лет, когда основные работы уже завершались, на строительстве было занято до пяти тысяч каменщиков и подымщиков. Общая протяженность крепостных стен достигает двух тысяч метров. Ширина ярусов приближается к семи метрам.

Кто же руководил этим грандиозным строительством? Чья направляющая воля определила его формы?

Архитектура Нового города не только с внешней стороны, но и со стороны двора захватывает своим лаконизмом и мощью. Благодаря изысканиям ленинградских ученых А. Кирпичникова и И. Хлопина яснее вырисовывается значение деятельности Кирилла Серкова. Крестьянин подмонастырной деревни Шидьяро, он был в числе посланных в Троице-Сергиев монастырь.

В книгах городского каменного дела имя Кирилла Серкова упоминается на протяжении многих лет. После 1662 года книги ведет чернец Карион Серков — постригшийся в монахи и принявший имя Кариона Кирилл. Архитектурный талант этого выходца из крестьян в сочетании с опытом сотен каменщиков и определили стиль Нового города.

Строительство крепости требовало огромного количества кирпича, дерева, железа для связей, решеток, обивки ворот. На горе Мауре добывали известь. «Кирпищики» кемские, белозерские, из числа жителей Волока Славинского нарезали кирпич, обжигали его, доставляли на строительство. Партии насчитывали по тридцать, по пятьдесят тысяч штук кирпича. Известна его исключительная твердость, благодаря которой сохранились многие кирилловские постройки.

Уже обращалось внимание на внушительные изделия кирилловских кузнецов. Вероятно, самой грандиозной их работой было изготовление решеток Казанской и Косой башен. «... По скаске городского дела кузнеца» Михаила Золотичанина, одна из них весила семьсот пудов. С конца XVI века «кузнишный двор» размещался на берегу Сиверского озера, в юго-восточном углу монастыря. В пору возведения Нового города на этом месте была построена «круглая грановитая» Кузнечная башня; «при оной самой башне внутри монастыря кузница каменная», а там «куют связи и в каменные городские кельи в окна решетки и к дверям и к воротам башенным крюки и петли спускные и большие».

Нынешний вид монастырского двора лишь в самой общей форме соответствует прежней картине. Время уничтожило все нестойкое, непрочное, обнажился костяк ансамбля, выражающий, кажется, самую его сущность. Прежде среди монастырских строений преобла-

¹ До конца XVIII века все это оружие, интересное не только в военном отношении, но и с точки зрения развития художественных ремесел, хранилось в монастыре. Позднее многие предметы оказались расхищены, часть вещей попала в музеи Новгорода и Петербурга. В настоящее время в Кириллове хранятся лишь отдельные предметы старинного вооружения.

дали деревянные¹. То были в основном избы с двускатными кровлями. Между ними острым углом располагался «острог». Он был построен в начале XVII столетия, когда возникла угроза польско-литовского нашествия. Стены этой маленькой крепости, сыгравшей большую роль во время обороны, были в основном деревянными. С возведением стен Нового города «острог» полностью утратил свое значение. Среди наиболее интересных деревянных строений Кириллова монастыря, ныне также утраченных, следует упомянуть ворота в Иванов монастырь: «створные, обиты железом, полицами, поверх ворот башня рубленая покрыта тесом».

Об искусстве кирилловских «древоделей» получаешь представление, попав в одну из башен. В Московской, Вологодской, Казанской зрению открываются странные, напоминающие деревья формы. Подобием ствола воспринимается стоящий в центре башни столб. Он сложен из кирпича, полый, с идущей внутри деревянной лестницей. (Лестницы сохранились только в Московской башне.) От столба к стенам идут громадные бревна, на которые некогда были настланы полы. В каждой башне — по пяти межъярусных деревянных перекрытий. Причудливо перекрещение уходящих в высоту огромных стволов.

Эти «плотнишные» работы, подкупающие сочетанием целесообразности и красоты, исполнялись крестьянами окрестных деревень или наемными плотниками. Исключительно плотниками была населена в начале XVII века подмонастырская деревня Каргободь. Приходили плотники из-за Белого озера, нанимались из Иванова Бора, из деревни Погорелой Понтиной. Отличная строевая сосна и ель росли в пределах Белоозера. Широко использовались в строительстве дуб и клен.

...Аллея старых берез ведет нас от Казанской башни к Святым воротам. Так и прежде назывался вход в Большой Успенский монастырь.

ЗА «СВЯТЫМИ ВОРОТАМИ». Двумя рядами стен был огражден Успенский монастырь: мощными стенами Нового города и внутренней оградой, от которой до нашего времени сохранились лишь отдельные части. Мы входим во двор монастыря. Проходим, не задерживаясь у Святых ворот, — внимание притягивают угадывающиеся за ними строения. Именно их очертания в значительной мере образуют характерный силуэт ансамбля Кириллова монастыря. Прямо перед нами — живописная композиция, которую образует колокольня и примыкающие к ней церкви. Слева возникает сложное и выразительное целое: лепятся одна к другой три церкви, нанизанные будто бы на общую диагональ, а со стороны колокольни обнаруживается еще одно сооружение, примкнувшее к ним с юга. Это Успен-

¹ Ныне на большом монастырском дворе находятся церковь Ризположения из села Бородавы, построенная в 1486 году — древнейшая из церквей Русского Севера, и своеобразная «одноногая» мельница из деревни Щелково близ Ферапонтова. Примечательные сами по себе, отличающиеся конструктивной ясностью и скромной красотой, эти вырванные из своего природного окружения деревянные строения, несомненно, утратили часть своей привлекательности: они выглядят неуместными в пределах новой для них среды.

ский собор с церквами Владимира, Елифания Кипрского и Кирилла Белозерского. Так и воспринимаешь эти четыре здания как одно целое, с частями внутренне не равноценными, но с ядром все остальное подчиняющим и все привнесенное поглощающим. Сочетание трех разновеликих объемов — относительно массивного доминирующего по размерам Успенского собора, миниатюрной Владимирской и несколько большей по величине церкви Елифания — образует живописное единство.

Барабан Успенского собора с полосой орнамента и узенькими оконцами, тот же орнамент из балясинок в крестообразных углублениях и поребрика по стене; иной, чуть суховатый, и все-таки обладающий несомненной привлекательностью декор церкви Владимира, состоящий из впадинок, бегунца и небольших нишек-киотцев; крытая лемехом маленькая главка-луковка на тоненьком стройном барабане и, наконец, перспективный портал церкви Елифания, лопатка, идущая сверху лишь на четверть высоты, и лента орнамента, в точности повторяющего узоры Владимирской церкви; барабан купола с пояском арочек — вот наиболее примечательные детали этого ансамбля.

Глубокое впечатление производит это, по выражению путешественника XIX века, «священное целое» с восточной стороны. Полукружия апсид образуют живое и разнообразное сочетание выдвинутых и отступающих в глубину форм. Деревья вплотную подступили к церквам. В Успенском монастыре, всегда относительно людном, самое, пожалуй, тихое место здесь, у апсид. Перетекают одна в другую широкие ленты орнамента. В тишине этого глухого места лучше слышишь внутреннюю музыку орнаментальных полос Успенской церкви. Их ритмический ряд открывает поясок нишек, в солнечный день на белизне стены они образуют резкие черные заглубления. Далее, за этим мощным вступлением, следует лента из керамических плиток; рельеф этого пояса придает живописность поверхности стен. Самой сильной формой орнаментальной ленты являются балясинки: их упругий объем выделяется на фоне черной тени крестообразных нишек. Этот ряд представляется своеобразной кульминацией. Затем идут поребрик и второй пояс из керамических плиток; напряжение падает. Финал обозначается нарастанием энергии форм. Резким контрастом звучат черные тени зигзагообразных заглублений.

Главная церковь монастыря — один из многочисленных храмов Успения богородицы в древней Руси. Богоматерь особо почиталась во Владимиро-Суздальской земле. Успенский собор был главным храмом Владимира. Возвышающаяся Москва следует почитанию суздальских святынь. Первопрестольным храмом Московского Кремля стал Успенский собор. Связь с Москвой, с ее духовной жизнью сказалась в посвящении главной соборной церкви Кириллова монастыря Успению богородицы.

Успенский собор — третье по времени, после церкви Спасокаменного монастыря и церкви Рождества богородицы Ферапонтова монастыря, каменное здание Белозерского края. Раньше на этом месте стояли две сменявшие одна другую деревянные церкви. Первая была возведена еще при Кирилле в 1397 году неизвестно откуда пришедшими мастерами,

вторая — построена в 30-х — 40-х годах XV столетия. Пахомий Лагофет, видевший вторую церковь, заметил, что была она «украшена иконами и иными красотами». Для братии в полсотни человек нужно было поместительное здание. В 1497 году, столетие спустя после прихода Кирилла на Белоозеро, возведено то каменное здание, многие части которого мы можем видеть и ныне. Двадцать ростовских каменщиков и стенщиков во главе с мастером Прохором пришли на Сиверское озеро для возведения церкви. Пять месяцев выкладывались стены. Для своего времени собор был зданием весьма внушительным, — «церковью великою» назван он в летописи.

Уже упоминалось, что во второй половине XV века в среде кирилловской братии получили распространение идеи нестяжательства. Известно, что в эту пору хозяйственная деятельность монастыря отличалась некоторой сдержанностью. Но именно тогда была построена Успенская церковь. Некоторые ученые отмечают это как странный парадокс. Представляется, однако, что сооружение радостного и нарядного здания, строительство которого оказалось приуроченным к столетию прихода Кирилла, свидетельство не только внешней хозяйственной, но и интенсивной духовной жизни.

До пятидесятых годов XVI века Успенский собор высится в одиночестве, сохраняя в чистоте свою первоначальную, простую и цельную кубическую форму. Правда, он был несколько потеснен еще в 1519 году, когда неподалеку построили трапезную церковь Введения. В 1523 году были воздвигнуты каменные Святые ворота; тогда же, должно быть, приступили к строительству первой каменной ограды Успенского монастыря. Прошло еще десять с лишним лет, прежде чем в соседстве с Успенским собором возвели очередное каменное здание — церковь архангела Гавриила. В 1554 году с востока к Успенскому собору прирастает Владимирская церковь. Более тридцати лет спустя к юго-восточному углу Успенского собора пристраивают храм Кирилла, который, вероятно, был похожим на Владимирскую церковь, но выглядел более богато. Проходит еще шестьдесят лет, и над могилой князя Федора Телятевского возводят церковь Епифания, которая примыкает к северо-восточному углу Владимирской церкви. Так в середине XVII века завершилось оформление этого своеобразнейшего ансамбля.

Судьба Владимирской церкви и храма над могилой Кирилла связана с Иваном Грозным. Церковь Владимира построили в ту пору, когда царю Ивану было немногим более двадцати лет. Много лет спустя, в безумном ожесточении, преследуя всех, кого подозревал в неповиновении и посягательстве на его жизнь, он вспомнил о церкви Владимира, которая была построена как усыпальница князей Воротынских. В церкви погребены Владимир и Александр Воротынские, участники Казанского похода. Третий Воротынский, князь Михаил, герой Казанского похода, военачальник, под предводительством которого были сокрушены под Москвой полчища татарского хана Девлет-Гирея, стал одной из жертв Ивана. Он был сослан в Кириллов монастырь. Спустя три года царь «простил» его. Позднее, вскоре после победы над крымцами, Воротынский вызвал подозрения и зависть Ивана и,

обвиненный в колдовстве, был подвергнут жестокой пытке: шестидесятилетнего князя привязали к дереву между двух костров. Иван сам подгребал угли к телу князя. Уже умирающего Михаила Воротынского повезли в Кириллов монастырь. Он умер в дороге. Мстительная злоба Ивана не оставила его в покое и после смерти: «У нас над Воротынским церковь, а над чудотворцем нет, и на страшном судилище Спасовом, Воротынский да Шереметев выше станут чудотворца Кирилла . . . и сие зазор не мал, что, мимо чудотворца, над ними церковь. . . »

22 В земле, на которой стоят эти четыре церкви, погребены не только Кирилл Белозерский, Воротынские, князья Телятевские (церковь построена на вклад князя Федора Телятевского, постригшегося в Кириллов монастырь под именем Епифания во имя его святого покровителя Епифания Кипрского), но и представители одной из знатнейших русских фамилий Шереметевых. Среди них Григорий Шереметев, участник Казанского похода, павший на поле битвы в 1548 году. Его брат Никита, по словам князя Курбского, «муж храбрый и на телеси от варварских рук не мало ран имущ», был удушен по приказу Ивана. Под именем Ионы постригся в монахи Кириллова монастыря их брат Иван Васильевич Большой Шереметев, игравший крупную роль в государственных делах; одно его имя наводило ужас на татар. (Андрей Курбский высказывает сомнения относительно конца Ионы: «и не вем, аще там — в Кирилловом монастыре — не повелел ли уморити его».) Ненависть царя Ивана к Шереметеву красноречиво выразилась в знаменитом послании. «Все благочестие погибло от Шереметевых: таковы они! А ныне у вас Шереметев сидит в кельи и сам как царь, и Хабаров к нему приходит с другими чернецами, пьют да едят, как в миру, и Шереметев не то со свадьбы, не то с родин, рассылает по кельям гостинцы и за монастырем у него двор с годовыми з запасами, а вы молчите о таком пагубном бесчинии . . . Мне что на Шереметевых гнев держать! Ведь есть его братья в миру и мне есть над кем свою опалу положить, а на чернеца что гневаться и над ним ругаться? . . . Сами знаете, если благочестие не потребно, а нечестие любо, то скуйте Шереметеву хотя золотые сосуды и царский сан ему устройте; уставьте с Шереметевым свое предание, а чудотворцево отложите; так будет хорошо. . . »

Ныне Успенский собор реставрируется. В ближайшие годы за грубейшими записями, осуществленными в 1838 году масляными красками в духе академического натурализма, обнаружатся известные сейчас только в виде отдельных фрагментов росписи XVII века. «. . . Подписывали стенное письмо иконописцы Любим Агеев с товарищи» на вклад царского дьяка Никифора Шипулина, сделанный им в 1641 году. Несколько позднее, в 1649 году, ярославскими иконописцами Иваном Тимофеевым и Севастьяном Дмитриевым были расписаны стены паперти. Роспись XIX века коробит своей грузной плотностью, изображения, кажется, взрывают плоскость стены. Фрески XVII века сохраняют близость замечательным монументальным росписям предыдущего столетия. Они легки по цвету, их общее настроение отличается торжественностью, просветленностью, серьезностью. Оче-

видна связь с художественным ремеслом того времени. Таковы росписи перспективного портала (единственного сохранившегося из числа прежних трех) и стен северной паперти и на западном фасаде Успенского собора. Наиболее замечательные из них — «Успение богородицы» и «Снятие пятой печати», близкие по стилю ферапонтовским росписям.

Главным украшением Успенского собора был и по сие время остается иконостас. Его первоначальная структура отличалась простотой. По ярусам на досках-тяблах ставились иконы, объединяемые определенной идеей. В нижнем, «местном» ярусе, находились особенно почитаемые в Кирилловском монастыре иконы.

Сейчас знаменитые иконы «местного» ряда Успенского собора хранятся в Государственной Третьяковской галерее. Это — «Богородица Одигитрия», «Успение», приписываемое Рублеву, «Кирилл Белозерский», писанный Дионисием Глушицким. Когда-то они находились на самом почетном месте — справа от царских врат. Существующие ныне царские врата появились в соборе довольно поздно: в 1645 году они были принесены в дар монастырю царем Михаилом Федоровичем. Идея молитвенного предстояния выражалась главным образом в деисусном ярусе. Посередине, над царскими вратами, находился образ Спаса Вседержителя на престоле, по сторонам от него «двадцать образов стоячих». Далее следовал праздничный ярус; завершал иконостас «пророческий» ряд. Кроме иконостаса, иконы располагались по стенам, как бы продолжая ярусы, и по столбам. К началу XVII века в Успенском соборе было восемьдесят восемь икон с изображением богородицы, — существовало убеждение, что небесное покровительство богородицы осеняет монастырь, на четырнадцати образах предстал Кирилл. Около трехсот икон, украшенных золотом, закованных в серебряные оклады, сверкая драгоценными камнями, мерцающая в подвижном свете лампад, окружали богомольцев.

Придельная Владимирская церковь по убранству уступала собору; утварь и иконы были пожертвованы для церкви Марией Воротынской. В описи начала XVII века упоминается лишь об одной пелене перед образом Владимира «из царской дачи»: церковь оказалась на положении опальной. Иконостас был четырехъярусным, но по стенам икон было мало. Только два паникадила да четыре постаменты для свечей довершали убранство.

Кирилловская церковь, построенная при келаре старце Леониде Ширшове «по приговору братии», чтобы загладить «зазор немалый», была больше Владимирской. Небрежность и торопливость обнаружилась в ее возведении: к концу XVIII века состояние церкви было катастрофическим. Старая опись свидетельствует: «...собою построена тонко и с трех сторон ... железных связей ни одной в стенах положено не было ... приданные стены отшатились прочь ... во многих местах от земли до кровли как в церкви, так и в олтаре не малые сделались расседины».

«На расписанье внутри одной церкви живописью в ... 1642 году боярин Федор Иванович Шереметев дал триста двадцать восемь рублей шестнадцать копеек». Иконостас этой церкви был самым богатым в монастыре. Он имел пять ярусов. Его составляли иконы

дорогой московской работы, оклады изготовляли лучшие московские серебряники. Царские врата были привезены из Москвы, окладывали их из «царской дачи». В 1601 году в церкви находилось двести пятьдесят две иконы, тридцать девять пелен, четыре паникадила, серебряная утварь. В основном это были приношения Ивана Грозного. Перед гробницей Кирилла «тепилась лампада серебряная, в которой горела неугасимая свеча». В 1643 году раку обложили серебром с изображениями сцен жизни Кирилла.

Построенная в конце XVIII века на месте обветшавшей новая церковь Кирилла — одно из самых унылых зданий ансамбля. Ее усложненные формы на фоне одушевленной простоты старой архитектуры кажутся попросту убогими.

Украшение церковей требовало развития иконописания и различных художественных ремесел в пределах самого Кириллова монастыря. Еще в бытность свою в Симонове монастыре проникся Кирилл «сочувствием к иконному делу». Развивается оно после его смерти, а во второй половине XVI века и в XVII веке достигает значительного размаха. В Кириллове складывается своя школа иконописания. Работают по монастырским заказам и пришлые мастера: белозерцы, псковичи, москвичи, ярославцы. Наиболее важные заказы — образа для главных храмов монастыря — исполняют в начале XVII века иноки Гриша Горбун, Григорий Ермолов, старец Нафанаил. Для раздачи богомольцам пишутся иконы, как правило, небольшого размера, так называемые пядницы, величиною в пядь. Их выполняли второстепенные мастера. Иконописец Богдан Дмитриев, сын Москвитин в марте 1608 года написал в казну пятьдесят образов-пядниц богородицы на красном золоте (по две иконы в день!); ярославцы Владимир и Ефстафий с сентября 1608 года по август 1611 написали пятьсот тридцать три образа богородицы и Кирилла; ярославцами Григорием и священником Владимиром с сентября 1608 по август 1619 года исполнено около тысячи тридцати образов.

На Руси было традицией после главного (холодного) храма следующей строить церковь теплую с трапезной. Трапезный храм Введения богоматери находится западнее Успенского собора. Он состоял из двух частей: небольшой церкви со скромным трехъярусным иконостасом и обширной трапезной палаты с каменным четырехугольным столпом посередине, поддерживающим своды. На столпе и по стене, в которой находилась дверь в церковь, были размещены иконы. С северной стороны в трапезную попадали через паперть, украшенную стенным письмом. Храм дошел до нас в сильно искаженном виде: разрушен большой столп в бывшей трапезной, двухъярусная паперть с аркадой в верхнем этаже заложена кирпичом, утрачена роспись...

Колокольня связывает теперь в единое целое храм Введения с церковью архангела Гавриила. Но когда-то последняя, воздвигнутая в 1531—1534 годах, имела, помимо сохранившегося входа с северной стороны, порталы на южном и западном фасадах. Большое впечатление производит очертание хорошо сохранившегося перспективного портала. В этой церкви сказалось воздействие итальянской архитектуры. Лопатки преобразованы в

стройные пилястры, обозначен цоколь и выведен трехчастный карниз. Эти новшества здесь органически уживаются с традиционной кубической массой церкви и выступающими полукружиями апсид с трехчастным делением вертикальных тяг, завершающихся арками с гирькой. Нынешнее покрытие восходит к концу XVIII — началу XIX века. Некогда решение верха являлось самой примечательной частью храма. В арках, завершающих стены, висели колокола; самый большой из них был в триста пудов. В центральной части поднимались два ряда кокошников. Две главы, одна большая, другая маленькая, увенчивали церковь. Позднее, когда с западной стороны к церкви была пристроена колокольня, арки на крыше церкви заложили, барабаны частично разобрали и в возникшем таким образом помещении устроили ризницу. В решении интерьера сказалась близость к церквам «зального» типа, образцом для которых послужил Успенский собор в Московском Кремле, построенный Аристотелем Фиораванти. Восточные столбы почти слились с перегородками между апсидами, западные — круглые, компактной формы. Внутри церковь просторна, ее формы сравнительно легки и стройны. Храм строился на вклад великого князя Василия III в память его дня рождения. В честь Елены Глинской, жены князя, с которой он совершил поездку в Кириллов монастырь, появился в церкви, в юго-восточной ее части, придел Константина и его матери Елены.

25

Убранство церкви было сравнительно простым. В начале XVII века из шестидесяти семи икон шестьдесят были пядницами. Лишь десять из них украшали оклады, и только семь местных образов иконостаса были писаны на золоте. Предметы церковной утвари — оловянные, медные, деревянные.

Бывшие церкви — Введения, Кирилла, нижний этаж колокольни заняты ныне музейной экспозицией. Обращают на себя внимание замечательные изразцы с изображениями воинов рядом с пушками и пирамидами ядер, со сказочными «китоврасами». Прекрасны драгоценные переплеты с серебряными накладками, маленькие складни и кресты, украшенные финифтью, редкие по благородству цвета и сложности работы плащаницы, иконы, среди которых есть работы Дионисия, ризы, изготовлявшиеся из царского платья (известно, что Борис Годунов дарил свои одежды монастырю).

В конце XVI века к церкви Гавриила была пристроена колокольня. Ее строительство в середине XVIII века завершил мастер Жуков. Из трехъярусной она превратилась в громадное строение, состоящее из четырех глухих этажей и восьмигранника, в арках которого висели колокола, а покрытие приобрело усложненную форму полуглавия. Колокольня производит впечатление несколько угрюмого величия. Несмотря на то что в ее завершении сказались новые, XVIII века, художественные идеи, это сооружение достаточно органично вписалось в монастырский ансамбль.

На колокольне висел слитый при старце Леониде медный колокол весом в девятьсот тридцать восемь пудов, колокол «Псковитин» в четыреста пудов, отлитый в 1551 году на средства князя Петра Ивановича Шуйского. В пределах монастыря звонили по меньшей

мере в семь колоколов, от упомянутых, громадных, до небольших, в семь пудов. В XVI веке колокола отливались в основном псковичами, которые были известны как опытные литейщики. В XVII веке эти работы поручались московским и ярославским литейщикам, оттеснившим псковичей. Некоторые колокола отливались в монастырской кузнице.

С колокольни, на которой оставлен ныне один небольшой колокол (большие колокола были перелиты на пушки во времена Петра I), открывается вид на монастырь, окрестности, озеро. Хорошо виден надвратный храм Иоанна Лествичника со Святыми воротами, имеющими два проезда. В 1585 году «по приговору старцов соборных кириллова монастыря сии врата болшии и меншии подписал мастер старец Александр своими ученики со Омелином да с Никитою...» Фрески многократно поновлялись. Некоторые композиции появились позднее. Несомненный интерес представляет то, что в росписях Святых ворот изображаются святые и события священной истории, которым оказались посвящены церкви и приделы Кириллова монастыря.

Надвратная церковь Иоанна Лествичника была построена на вклад сыновей Ивана Грозного — Ивана и Федора. Она появилась позднее Успенского собора, церковью Введения и архангела Гавриила. Ее орнаментация повторяет украшения Успенского собора (керамические балясинки в углублениях на барабане купола) и частично Владимирской церкви (пятиугольные впадинки). Она имела две главы, как церкви архангела Гавриила и Иоанна Предтечи, и позакомарное перекрытие с тремя рядами кокошников; апсида была прямоугольной в плане, а с западной стороны шла паперть, через которую попадали в церковь. Ее внутренний объем с характерными круглыми западными столбами напоминает интерьер церкви архангела Гавриила. К интереснейшим деталям облика и убранства церкви следует отнести перспективный фасад и царские врата иконостаса.

Церковь Иоанна Лествичника сливается с одним из самых замечательных зданий Кириллова монастыря — Казенной палатой. Начало ее сооружения относят к 1523 году. Во второй половине XVI века к северо-западной стене палаты пристроили одноэтажный корпус, а столетие спустя над нею возвели второй этаж. Со стороны Нового города видны сдвоенные окна с эффектными наличниками и декоративным кружком посередине: это характерный мотив светской архитектуры XVII века. С внутренней стороны сохранилась более старая часть. Мы встречаемся с полосой уже хорошо знакомого, но всякий раз радующего орнамента: нишками, крестообразными впадинками, поребриком. Замечательно просто и благородно обрамление маленьких окошек — прямоугольные, перспективные рамки. Внутреннее пространство Казенной палаты занимает «сушило», интереснейшая хозяйственная постройка второй половины XVII столетия. На перекинутых поперек помещения толстых бревнах развешивались облачения. В Казенной палате хранилось монастырское оружие, различная утварь, приходо-расходные книги, крепостные записи и богатая библиотека. Одних рукописей в ней было больше двух тысяч. Даже в Троице-Сергиевой лавре не было подобной библиотеки.

Переписывать книги в монастыре начали еще при Кирилле; традиция эта сохранилась по XVII век. В настоящее время большая часть рукописей Кириллова монастыря хранится в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде.

Северо-восточный угол Большого монастыря занимали и занимают до сих пор бывшие монашеские кельи. В пору наибольшего внешнего процветания (XVI—XVII века) в монастыре в составе братии бывало до двухсот человек, не считая многочисленной челяди. «Впереди тянулась другая внутренняя ограда, составленная уже собственно из монастырских зданий, бывших в свое время кельями, а теперь большею частью запустевших . . . Четыре маститые кедра стояли как бы на страже древней лавры . . . и мрачный вид сих прищельцев ливанских соответствовал пустоте заглохшего двора, где прорастала трава по бывшим тропам, от недостатка ходящих: — никто не выглядывал из бесчисленных окон келий, ограждавших двор; их считалось до семи сот, во дни славы Кирилловой обители, и только в некоторых есть теперь жилье человеческое», — так, сокрушаясь, писал о запустении монастыря автор сочинения «Русская Фиваида на Севере» А. Н. Муравьев.

Правее келий стоит одно из самых привлекательных сооружений Кирилловского ансамбля церковь Евфимия, построенная в середине XVII века. Строили ее «подмонастырные каменщики Кирил Серков с товарищи. . .» Церковь отличается чистотой и лаконизмом форм, заставляющих вспомнить традиции русского зодчества XV — первой половины XVI века. Ее примечательными особенностями являются шатер, крытый некогда зеленой поливной керамикой, и чисто псковская по характеру звонница. Эта церковь была соединена ходом с Большой больничной палатой. Рядом — монастырские кельи: во второй половине XVII века здесь томился некогда всесильный патриарх Никон, «терпел . . . великие нужды и озлобления». По преданию, он молился в церкви Евфимия.

От колокольни дорога ведет к бывшей надвратной церкви Преображения, построенной, так же как и первая церковь Кирилла, при старце Леониде. Робость и дерзость причудливым образом уживаются в этом сооружении. План его был весьма сложным. С запада, на уровне монастырских стен, к церкви примыкала просторная паперть с широкими проемами-арками по сторонам. Церковь увенчивали три главы, возвышающиеся над тремя рядами кокошников. Прямоугольные апсиды были покрыты на три шипца. Церковь имела подклет и сложную систему входов; под ней проходило два проезда на озеро (правый заложен в позднейшее время). В церкви находилось два придела. правый от алтаря — во имя Николы, левый — Ирининский, в честь дочери Бориса Годунова.

Весь юго-западный угол Успенского монастыря занимали «службы». Они начинаются с так называемого «домика келаря». Главным украшением восточного фасада этого маленького строения являются эффектные профилированные кирпичные обрамления окон, напоминающие наличники северного фасада Казенной палаты. Со стороны хозяйственного двора на второй этаж ведет деревянная лесенка, завершающаяся крыльцом. И с той и с другой стороны «домик келаря» равно безыскусственно прост и гармоничен.

Хозяйственные строения тянулись, как к средоточию, к трапезной Введенской церкви. Ее подклет являлся сложным хозяйственным комплексом. Здесь же поблизости находились хлебня, мучной амбар, ледник, поварня, квасоварня и другие помещения. В XIX веке Н. К. Никольский писал: «...Указанные строения остаются для нашего времени редчайшими, если не последними образцами древнерусских хозяйственных сооружений». В настоящее время эта часть монастыря реставрируется.

С хозяйственного двора можно пройти в угловую юго-западную часть монастыря. Маленькие мрачные кельи западной стены, настоящие каменные мешки, связываются преданием с устройством монастырской тюрьмы. До нашего времени дошли десятки документов, рассказывающих о многочисленных узниках Кириллова монастыря.

МАЛЫЙ МОНАСТЫРЬ. По традиции, при устройстве русских монастырей после постройки главной церкви воздвигали «и другую церковь с трапезою ... И по сем здание келейное, и устроив четверуголен образ монастырю, келью к келье совокупив, их же посреди стоят церкви аки же некие очи зряще всюду, и потом постави больница и хлебопечница и богодельню вне монастыря странным на покой».

В описи 1601 года говорилось: «Да в каменной же ограде другой монастырь на горе, где Кирила чудотворца первое прихождение было, а живут в нем старцы убогие, а кормят их из большово ж монастыря».

За воротами, которые находятся рядом с бывшим монастырским архивом, в стене, идущей от Свиточной башни, открывается Иванов монастырь. Он и связан с Большим монастырем и отделен от него. Его воспринимаешь как особую, самостоятельную часть монастырского ансамбля. Здесь глуше и тише. Летом листва разросшихся тополей почти скрывает две главные церкви монастыря. Целые тучи галок поднимаются с деревьев, реют над монастырем, и их растревоженный пронзительный крик колокольным эхом отдается в пустых башнях и галереях. «Горний монастырь». На вершине холма стоит церковь Иоанна Предтечи, а на склоне справа — церковь Сергия Радонежского; слева, под навесами с вычурными столбами, хранятся святыни старого монастыря — крест, врытый в землю на месте первой землянки Кирилла, и часовня, в которой он, по преданию, молился.

Церковь Иоанна Предтечи была построена в 1531—1534 годах на вклад великого князя Василия III. В 1528 году князь и княгиня Елена Глинская совершили поездку в далекий прославленный монастырь, чтобы там молиться «о даровании наследника». В честь рождения Ивана Васильевича и была возведена церковь. В ней есть придел во имя святого покровителя великокняжеской фамилии Кирилла Белозерского.

Когда-то храм был полностью белым. Нынешний красный цвет появился в XIX веке. «Большая» Ивановская церковь принадлежит к тому известному типу церкви середины XVI века, с которым мы уже встречались в пределах Успенского монастыря. Построенная

одновременно с церковью архангела Гавриила и, должно быть, теми же самыми мастерами, она имеет с нею заметное сходство: лопатки превращаются в пилястры, приобретают геометрически четкую форму, одинаковы по рисунку перспективные порталы. Когда церковь архангела Гавриила сохраняла две свои главы, это сходство проступало еще сильнее. Две главы, одна венчающая церковь и сохранившаяся до сих пор, другая, над приделом Кирилла, уничтоженная, в сочетании с тремя ярусами закомар, также не дошедшая до нашего времени, определяли силуэт церкви в ее верхней части. Сейчас резко бросается в глаза несоответствие между благородством узора на барабане, состоящего из пояска арочек, валика, балясинок и бегунка, красотой портала и обитой железом двери с древней слюдяной фольгой, общей внушительностью самой массы церкви и частями, появившимися в результате поновлений в XVIII—XIX веках. Тяжеловесность главы заставляет вспомнить о плохом провинциальном барокко, а ученически правильная линия контура — о столь же провинциальном классицизме. Также чужеродны здесь как бы вспухшая кровля и широкое окно с канцелярски скучным переплетом, пробитое над порталом на месте киота. Интерьер церкви уничтожен почти полностью. Здесь холодно, серо, пусто. Голые, покрашенные какой-то особенно унылой серо-голубоватой краской стены, поздний, XIX века, иконостас, плохо вяжущийся с общими очень простыми формами помещения.

В 1560-х годах на южном склоне холма была построена трапезная Ивановского монастыря с церковью Сергия Радонежского. Своеобразно ее расположение: она как бы взбирается по склону. Довольно сложен ее общий вид и внутренняя структура. Бросаются в глаза подпирающие церковь контрфорсы. Грубые переделки XIX века исказили всю верхнюю часть церкви. Уничтожена маленькая главка, что была над приделом Дионисия Глушицкого, искажена аркада, в проемах которой висели колокола.

Главная часть этого сооружения — трапезная. Это квадратная в плане палата с громадным центральным столпом.

Церковь Сергия была теплой: в подклете находились две палатки «не велики», в них печи, из которых «пущали тепло в церковь». Рядом в трех погребках «ставили капусту и огурцы, и всякий запас». В церкви сохранились царские врата превосходной работы, деревянные, резные, плоского рельефа, с выразительным орнаментом в виде изошренно варьируемого завитка. Придел Дионисия Глушицкого очень мал по размерам¹.

Рядом с церковью — больничная палата, одно из самых прекрасных сооружений Кириллова монастыря. Высокая тяжелая кровля, само здание — беленое, приземистое и вытянутое по горизонтали, с чередующимися по торцовой стене небольшими и совсем маленькими оконцами, с лопатками по углам, с валиком, как бы обозначающим цоколь, с поребриком под кровлей. Каждую из декоративных форм воспринимаешь с большой отчетливостью:

¹ Дионисий, монах Кириллова монастыря, основал обитель на затерявшейся в густом лесу речке Глушице. Дионисий — не только знаменитый среди современников иконописец, но известен и как переписчик книг. «строитель одежд», он хорошо знал кузнечное и плотничное дело, «все делал своими руками», в XVI веке его причислили к лику святых.

просторно, не теснясь, разместились они на поверхности стен. Все вместе создает впечатление полнокровия, завершенности. Внутри палата имеет уже знакомую нам планировку: большое помещение со столпом в центре. Построенная в XVIII веке на вклад Анны Иоанновны, больница кажется зданием, относящимся к XVII столетию. Перед нами пример архаизма, возбуждающего, однако, чувство симпатии. Есть в этой суровой, лаконичной архитектуре нечто навеянное Новым городом, его стенами и башнями. Кажется, что перед нами не больница, но арсенал.

Известно, что в Малом монастыре была еще одна больничная палата и семь братских келий. Эти строения не сохранились. «Обычная незатейливая северо-русская клеть ... ничем не отличающаяся от нынешних изб нашего севера», — так говорит Н. К. Никольский о келье, может быть, часовне, которую, согласно преданию, Кирилл воздвиг над крестом, поставленным им по прибытии на место будущего монастыря. От этого маленького строения с крохотной входной дверцей, с оконцем, закрывающимся изнутри деревянной задвижкой, веет глубокой стариной. Под сенью, столь же уродливой, как и та, под которой скрыта часовня, стоит деревянный крест. Он был поставлен на месте келий-землянок, которые выкопали Кирилл с Ферапонтом.

Ивановский монастырь начал обособляться вскоре после постройки церкви Иоанна Предтечи. Так же как и Успенский монастырь, Иванов был вскоре окружен стенами, но здесь они были ниже и не приспособлены для обороны. Из четырех башен Иванова монастыря сохранилась только Глухая. В начале XVII века стены были надстроены и укреплены. В стене были заключены и разнообразные хозяйственные помещения: воскобойная палатка, теплая келья, где жил «старец, которому было приказано кузнечное дело», и другие. В пределах монастыря находился большой огород. Здесь была устроена поварня, в которой «варили капусту монастырскую» в котле «в полтораста ведер». После литовского нашествия на месте бывшего огорода под защитой монастырских стен разместились конюшня, житницы, швальня.

Должно быть, еще в конце XVII века разрушилось одно из важнейших строений Ивановского монастыря — «Святые ворота», находившиеся поблизости от часовни Кирилла. На воротах возвышалась деревянная четырехугольная башня. Высота башни до кровли приближалась к двенадцати метрам. Шатер увенчивал «крест деревян», обитый «железом немецким». В башне было восемнадцать окон.

Сейчас почти все здесь выглядит иначе... Нельзя не почувствовать, что Иванов монастырь пустынное и будто бы печальнее Большого. В дождливые пасмурные дни, когда низкие тучи несутся по небу и ветер рвет листья, здесь становится мрачно и угрюмо. В солнечный зимний день узор черных тополиных ветвей ложится на белизну снега и монастырских стен. Открывающиеся с холма просторные дали — озеро и леса — влекут за пределы монастырских стен.

В дошедших до нашего времени памятниках Кириллова монастыря предстают перед

нами разные эпохи его истории, выражены разные заботы, разные душевные состояния связанных с ним людей. Глубокий смысл заключен в пропорциях зданий и украшениях XV—начала XVI века. Смотришь ли на уцелевшие от искажений части Успенского собора, на Глухую, Свиточную башни, разглядываешь ли кирпичный орнамент — нигде не обнаружишь ни одной вялой, худосочной формы. Они упруги, энергичны. Эти формы творило полнокровное общество, переживающее состояние энтузиазма. Нравственное здоровье современников Андрея Рублева, Нила Сорского, Дионисия выразилось в гармоничности форм, одушевило самые скромные их создания. К новой эпохе, ко времени Ивана Грозного относится сооружение церкви Иоанна Лествичника. После смерти царя, когда еще живо чувствовалось недавнее прошлое, были возведены «строенная тонко», ненадежно, церковь над могилой Кирилла, церковь Сергия Радонежского (начата еще при Иване Грозном) и надвратная Преображенская. Нечто надломилось в жизни. Она оказалась отравленной подозрительностью и злобой. Люди новой эпохи инстинктивно чувствовали, что прежние формы уже не годятся. Но традиционное по своей сути общество не могло отказаться от того, что стало обычаем, неписанным законом. Вероятно, и в эту эпоху в Кириллове жили мастера, которые привыкли выводить формы полнокровные и радостные, но теперь они воспринимались как несколько чуждые, «несовременные». Настораживающая застылость, заледенелость форм (общих масс, тяг, впадинок) церкви Иоанна Лествичника переходит позднее в грубое, лишенное убедительности решение Преображенской церкви. Кирпичный узор при внешнем сходстве с прежним стал неуклюжим, тяжелым, как бы распирающим закомары. Его форма жестоко смята включением рельефных кругов с перекрещением. Нельзя объяснять несовершенство сооружений конца XVI века тем, что они созданы местными мастерами. Ведь и Новый город строился не пришельцами! Кирилловская братия, наследница замечательных художественных традиций, при колоссальных богатствах, что стекались в эту пору в монастырь, соглашается с грубой новизной, допускает ее. Причину такого явления нужно искать в глубоком эмоциональном спаде, переживаемом тогдашним русским обществом. Не просто неумелость мастеров, — в этих тяжеловесных формах, в симптоматической сухости и скудости при излишествах просвечивает эпоха, катастрофический сдвиг, разрушенная гармония.

В архитектурных ансамблях, в отличие, например, от того неумолимого чередования культурных слоев, с которым встречается археолог, исторически разновременное предстает в единстве, в соседстве, в последовательности только нашего зрительного восприятия.

Испытания начала XVII века, кажется, оздоровили тогдашнее общество. Во всяком случае, главнейшие архитектурные памятники наступившего столетия — свидетельство подъема, обретения новой цельности. XVII век в истории строительства монастыря по праву может быть назван веком Кирилла Серкова. Это был выдающийся градостроитель в самом конкретном и широком современном понимании слова. В архитектуре Нового города сказался поворот к «инженерии», утилитарности; нечто, заставляющее предугады-

вать направление деятельности Петра I. (Не те ли каменщики, что работали с Кириллом Серковым, отправились позднее, по цареву указу, возводить Петербург?) В следовании, должно быть бессознательном, девизу «прекрасно то, что необходимо» проявилось новаторство Серкова. Утилитарность не лишает архитектуру Нового города образности, выразительности. Формы воздвигнутых Кириллом Серковым сооружений не только мощны, но в своей величавой простоте классичны.

Другим свидетельством одаренности зодчего является построенная им церковь Евфимия Великого. При свойственной Серкову тяге к простоте, ясно читаемой массе здания здесь, кажется, звучат особые ноты интимности, доверительности. Отточенность общего контура и каждой отдельной детали, больше того, некий лиризм заставляют вспомнить храм Покрова на Нерли. Значение этого создания Кирилла Серкова еще недостаточно осознано: оно далеко выходит за пределы собственно Кирилловского ансамбля.

Еще раз о выборе места для монастыря: что сказалось в нем, как не отсутствие суетности, торопливости, интимное знание земли, слияние с природой? Кирилловский ансамбль — одно из наставлений в том, как должно человеку в непрерывной гармонии с природой утверждать дела рук своих.

БИБЛИОГРАФИЯ

С. П. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ч. 1—2. М., 1850.

Архимандрит Варлаам. Описание историко-археологических древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Москва, 1859, кн. 3.

Церкви и ризница Кирилло-Белозерского монастыря. По описным книгам 1668 г. — «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества». Т. 2. СПб., 1861.

А. Н. Муравьев. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1894.

Н. П. Успенский. Кириллов Белозерский Успенский первого класса монастырь. Кириллов, 1897.

Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). Том 1. вып. 1—2. СПб., 1897—1910.

П. С. Шереметев. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902.

П. А. Флоренский. Троице-Сергиева Лавра и Россия. — В сб. «Троице-Сергиевская Лавра». М., 1919.

А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., Изд-во Академии наук СССР, 1951.

А. Н. Кирпичников и И. Н. Хлопин. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVIII вв. — «Материалы и исследования по археологии СССР». М., 1958, № 77.

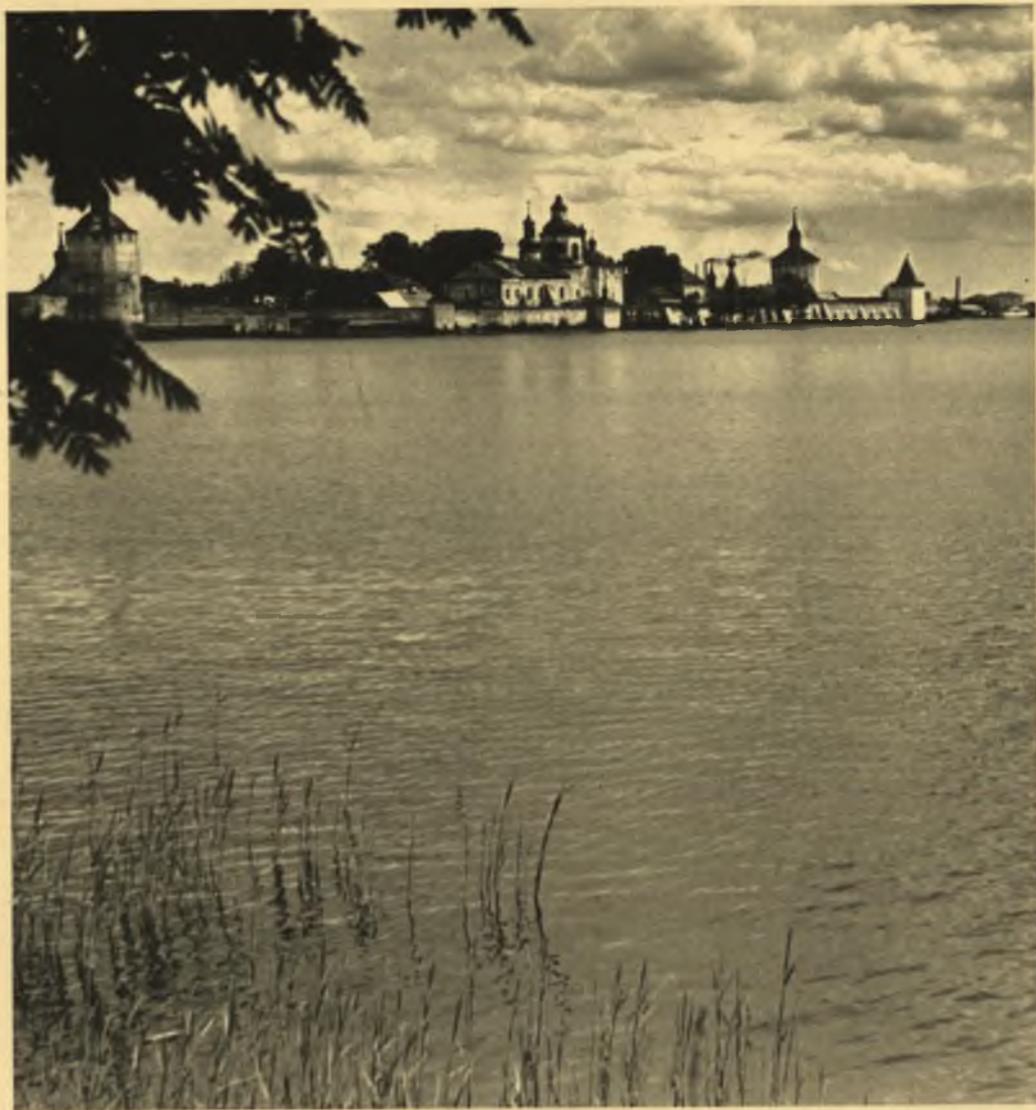
А. Х. Горфункель. Антицерковная борьба крестьян в XVII веке. (По материалам вогчины Кирилло-Белозерского монастыря). — «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», IV. М.—Л., 1960.

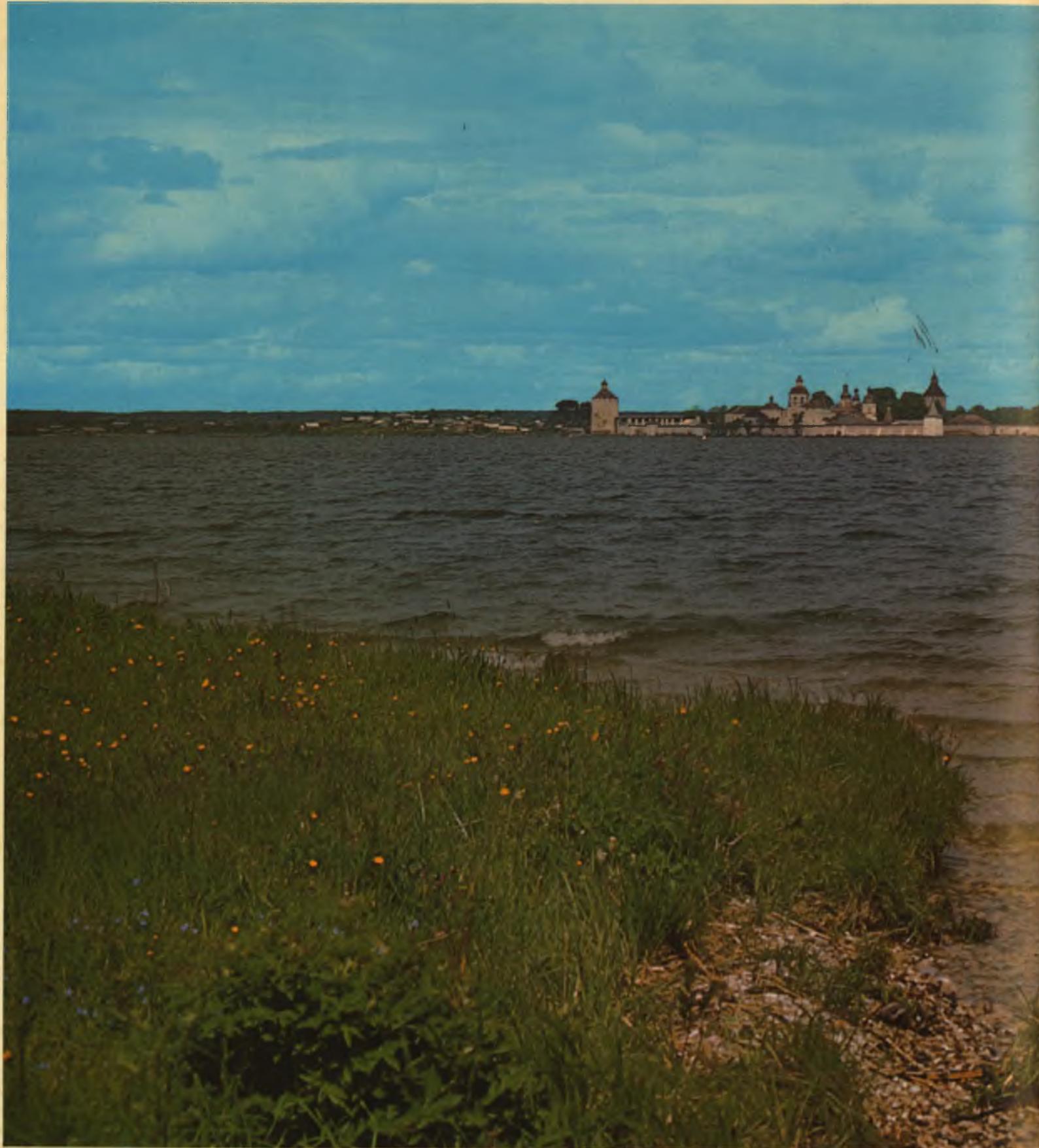
Э. С. Смирнова. Две иконы из Кирилло-Белозерского монастыря. — «Сообщения Государственного Русского музея». Вып. VIII. Л., 1964.

Г. Н. Бочаров и В. П. Выгоднов. Вологда. Кириллов. Феррапонтово. Белозерск. М., «Искусство», 1966.

С. С. Подьяпольский. К характеристике кирилловского зодчества XV—XVI вв. — «Советская археология», 1966, № 2.

С. С. Подьяпольский. Кирилловский историко-художественный музей. (Путеводитель). Вологда. Северо-западное книжное изд-во. 1966.

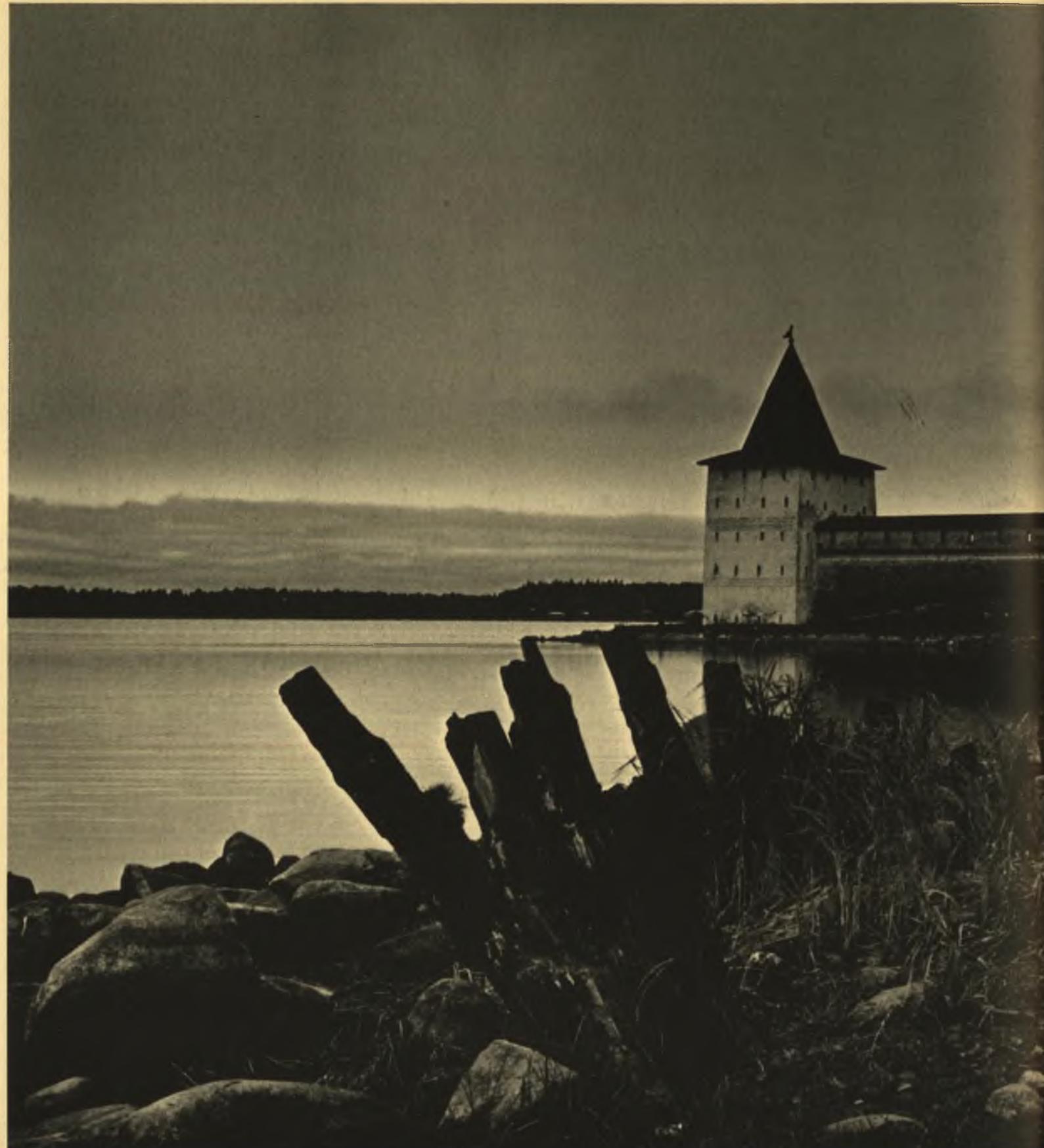

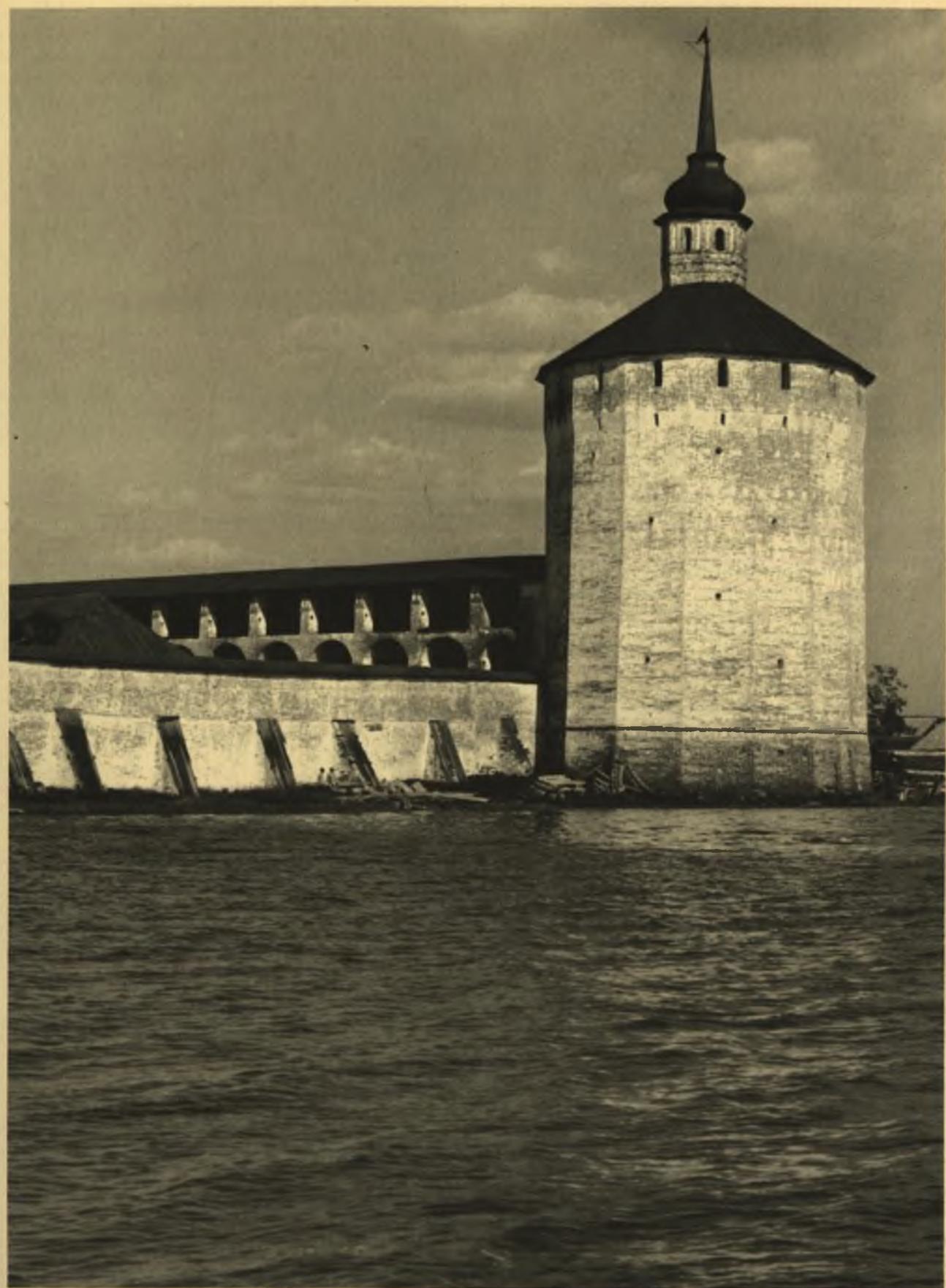
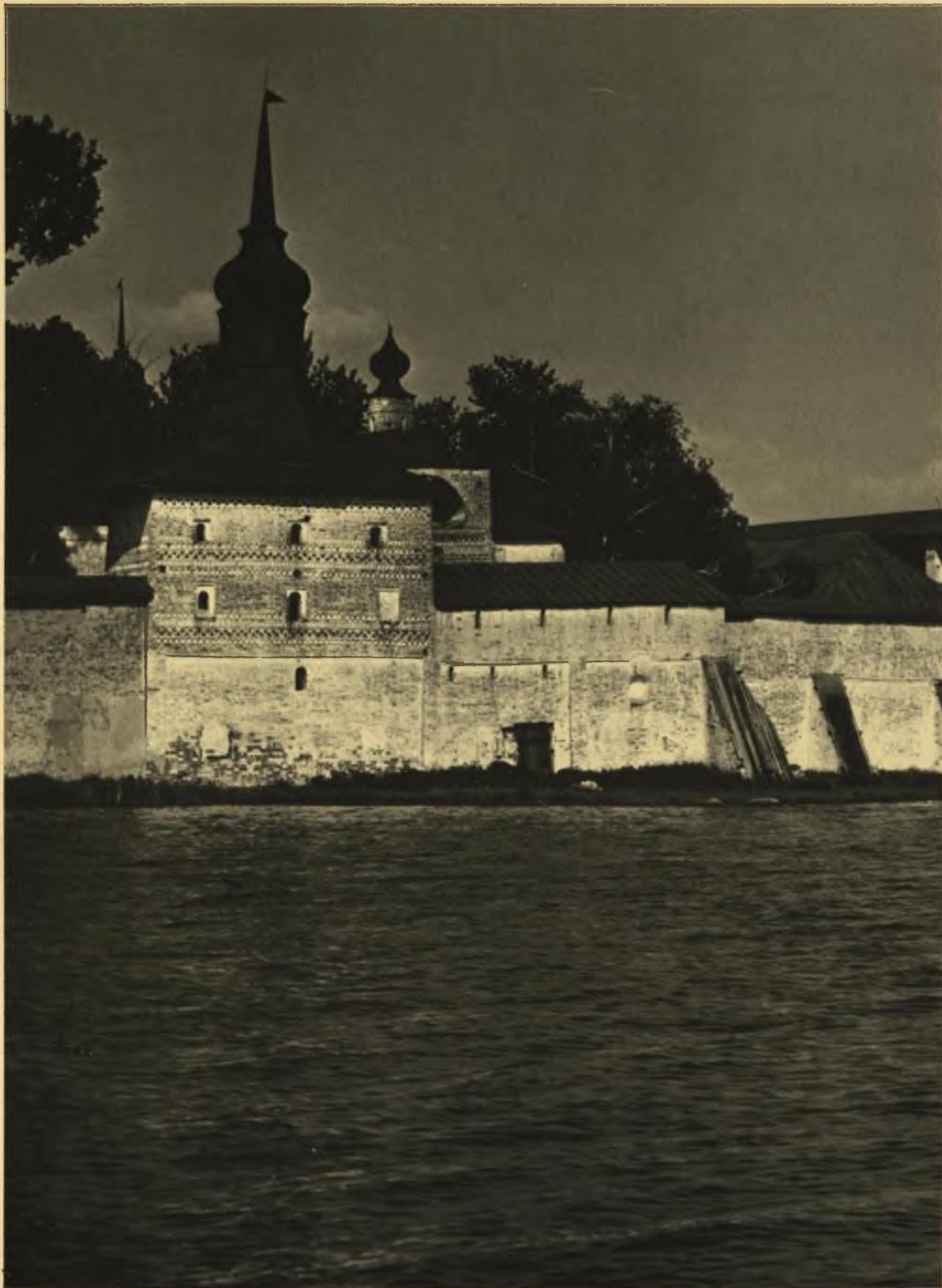

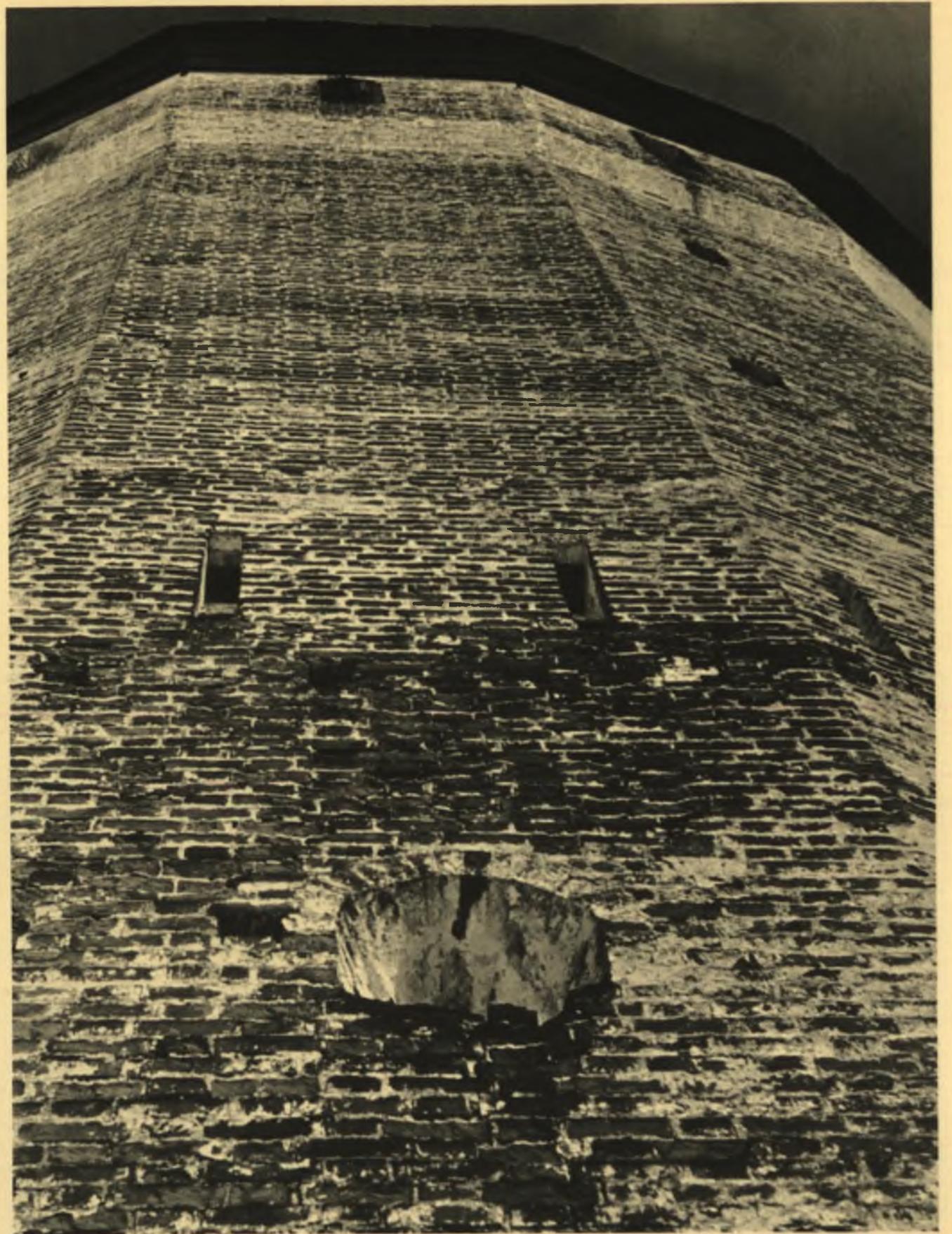

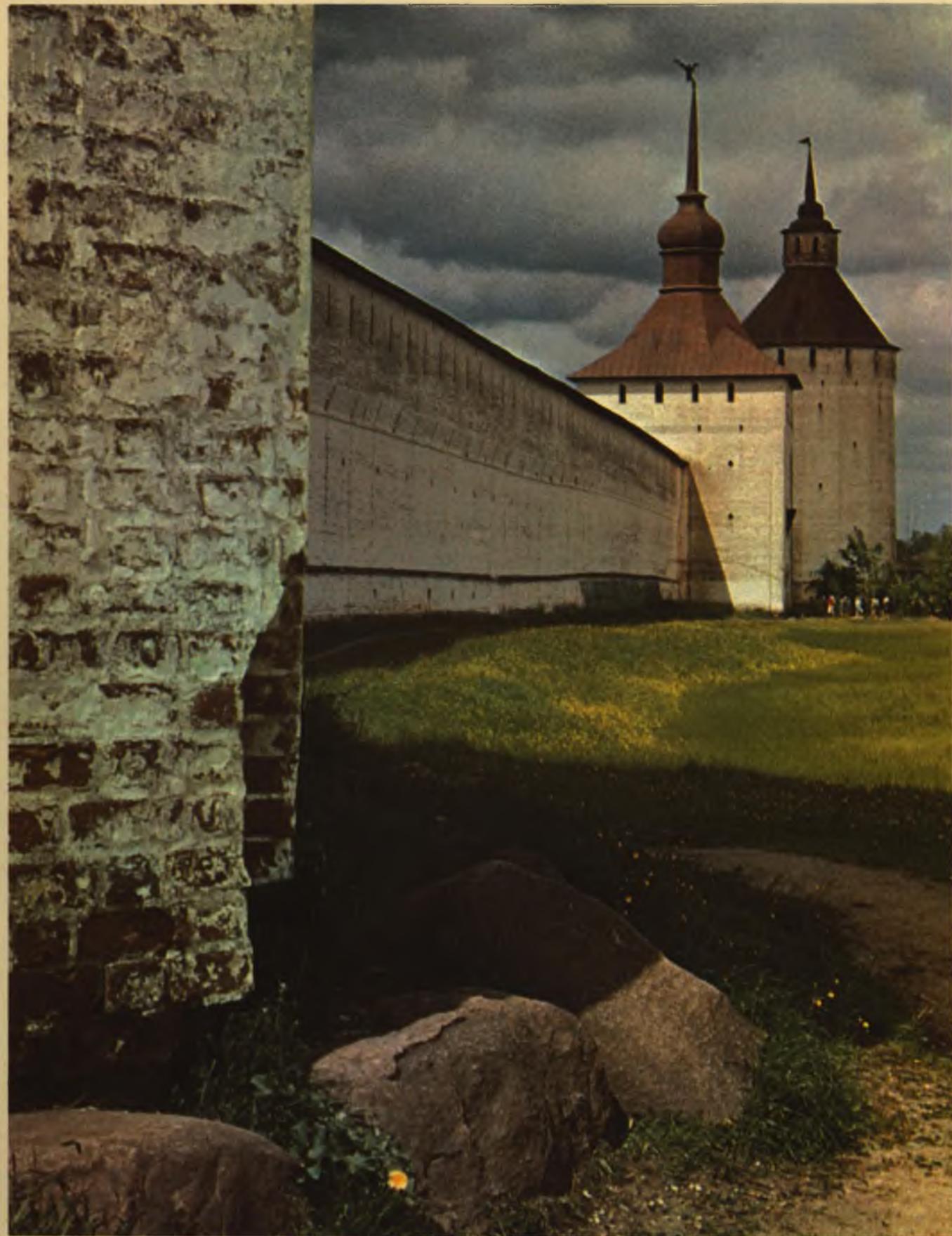

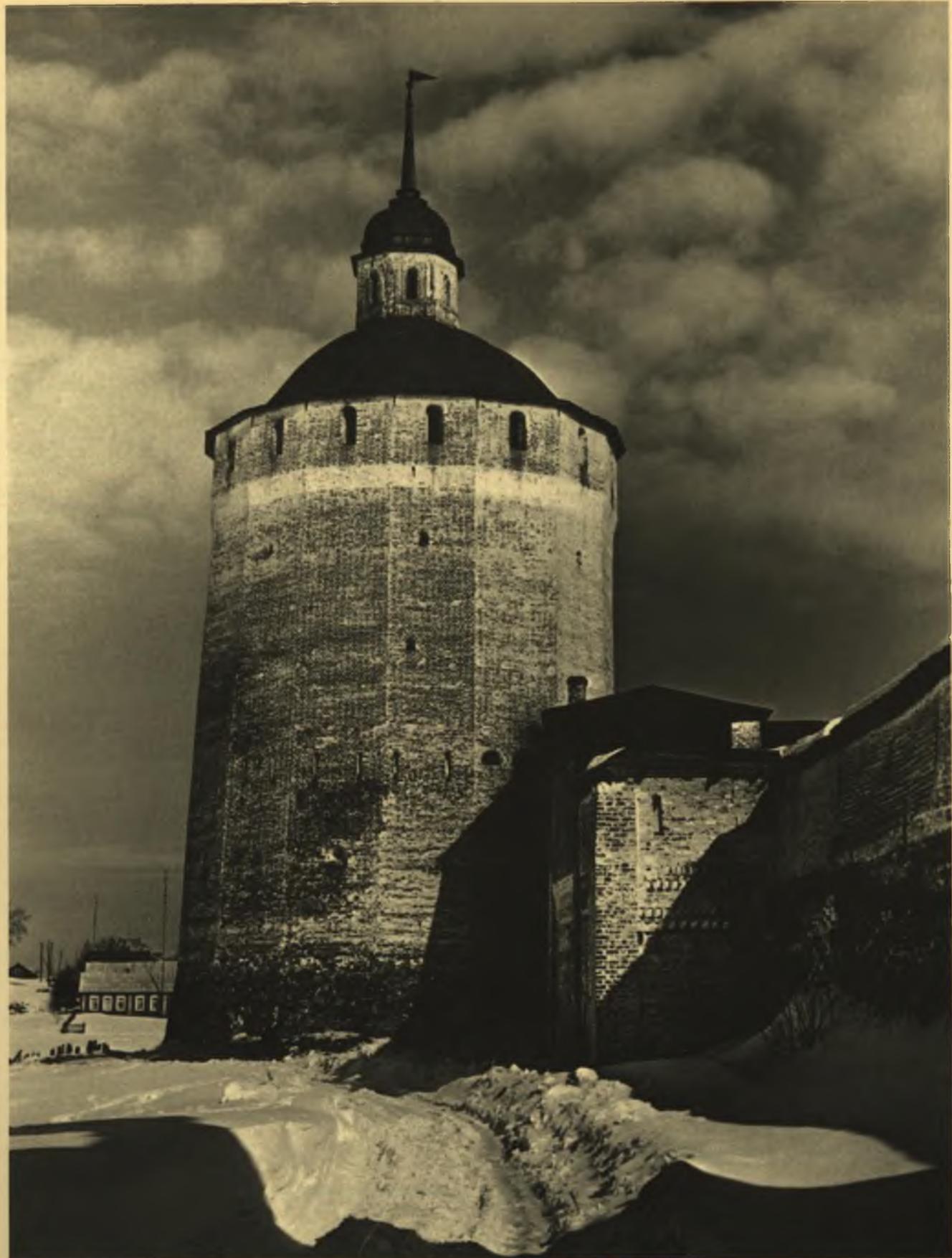

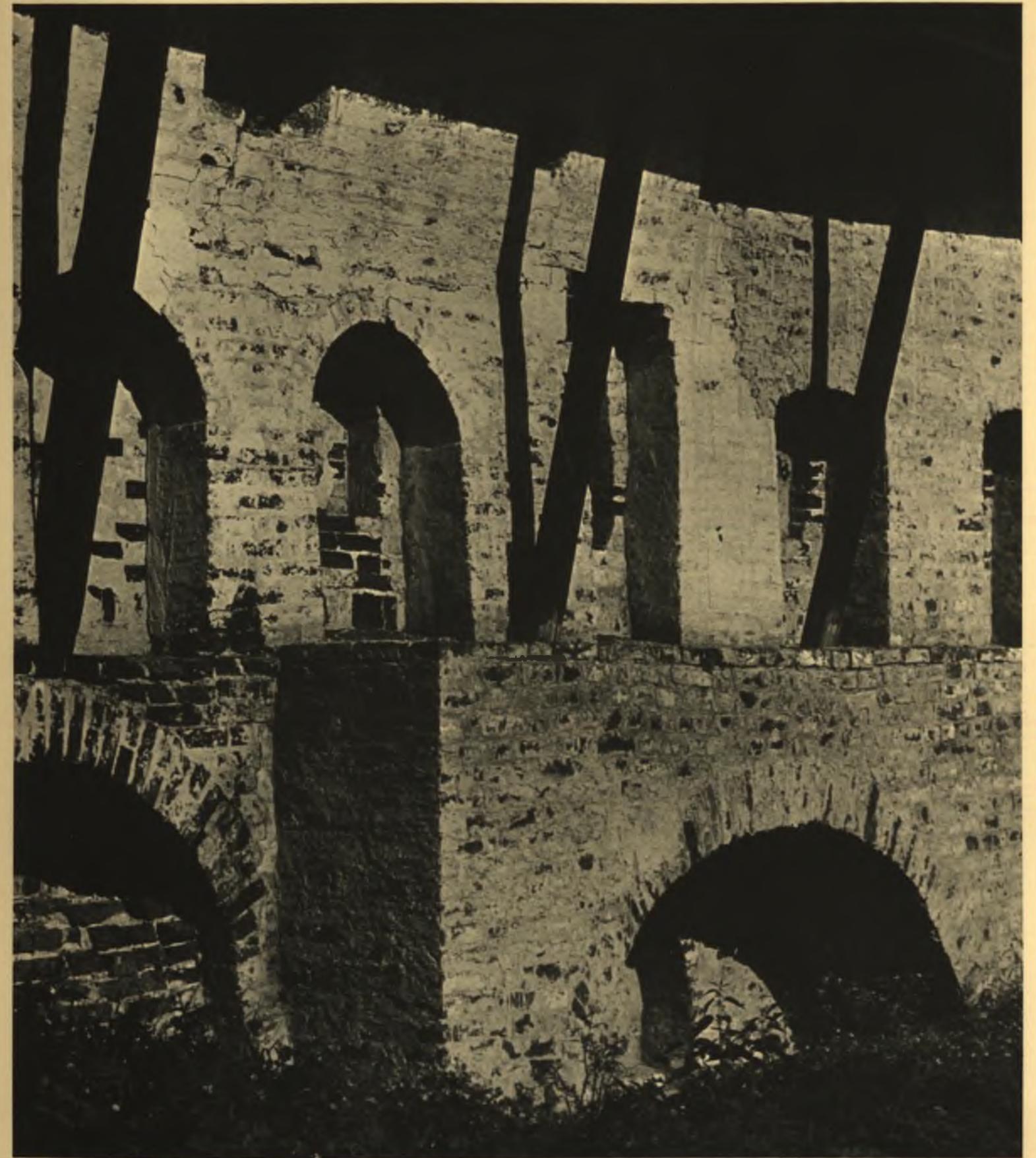
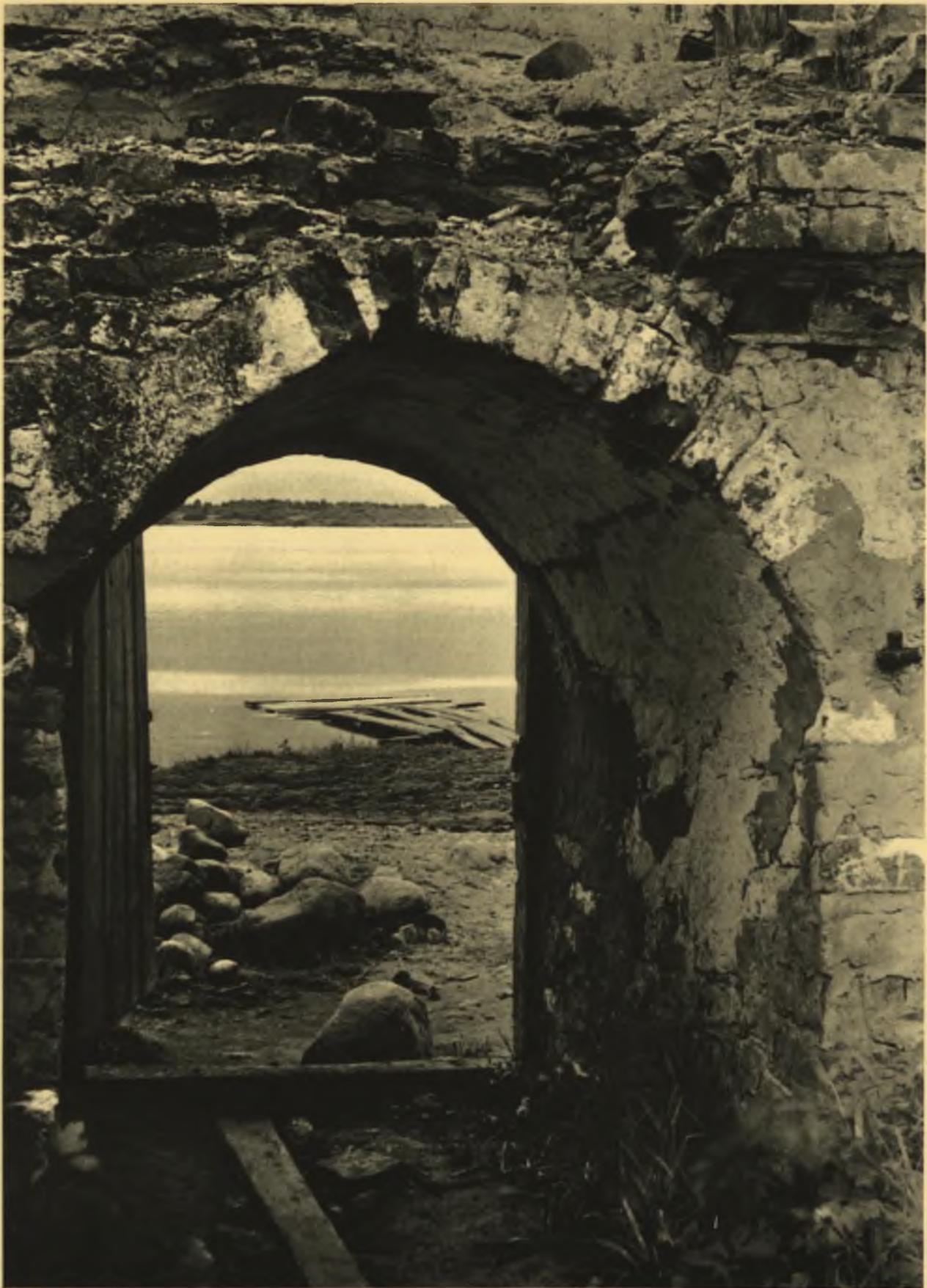

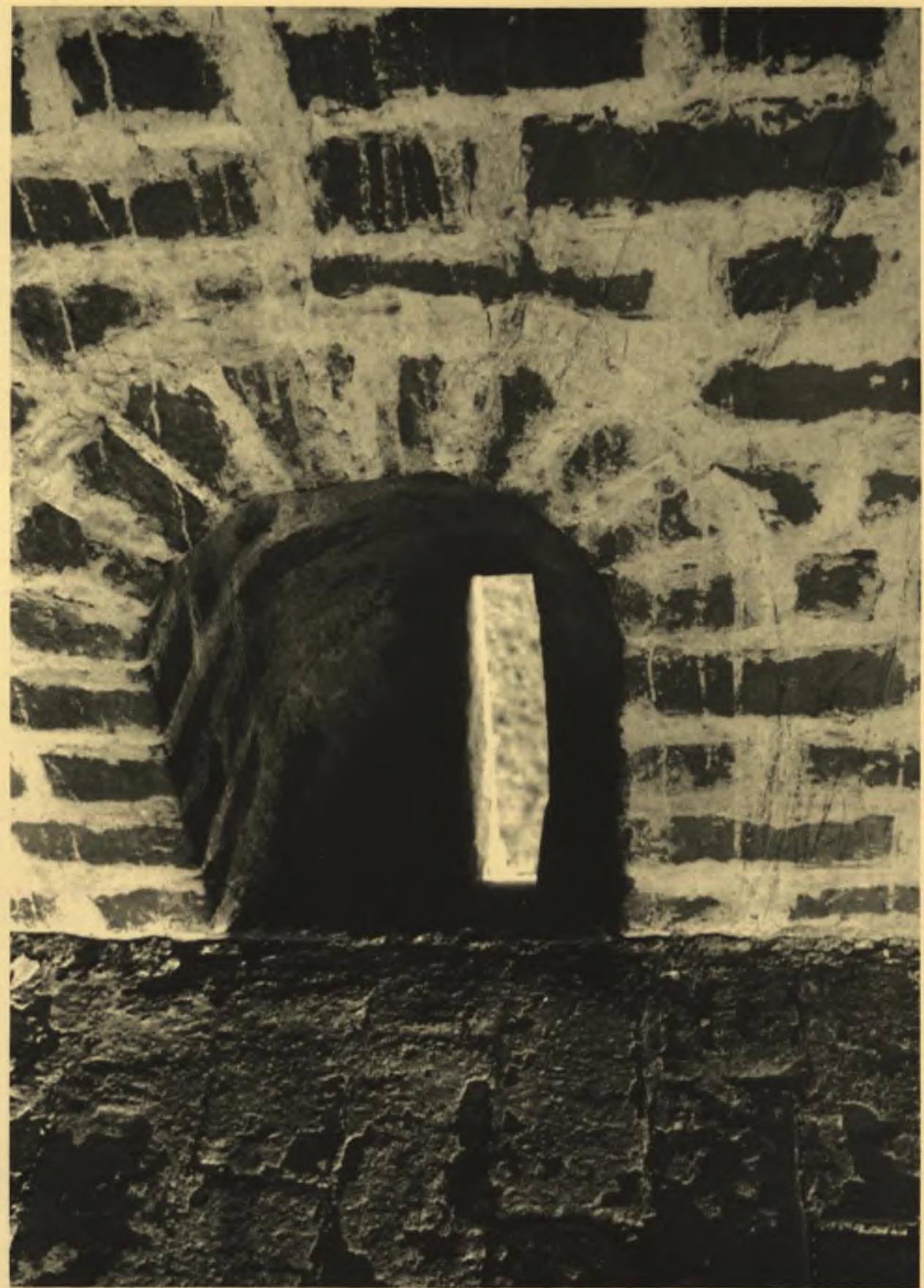
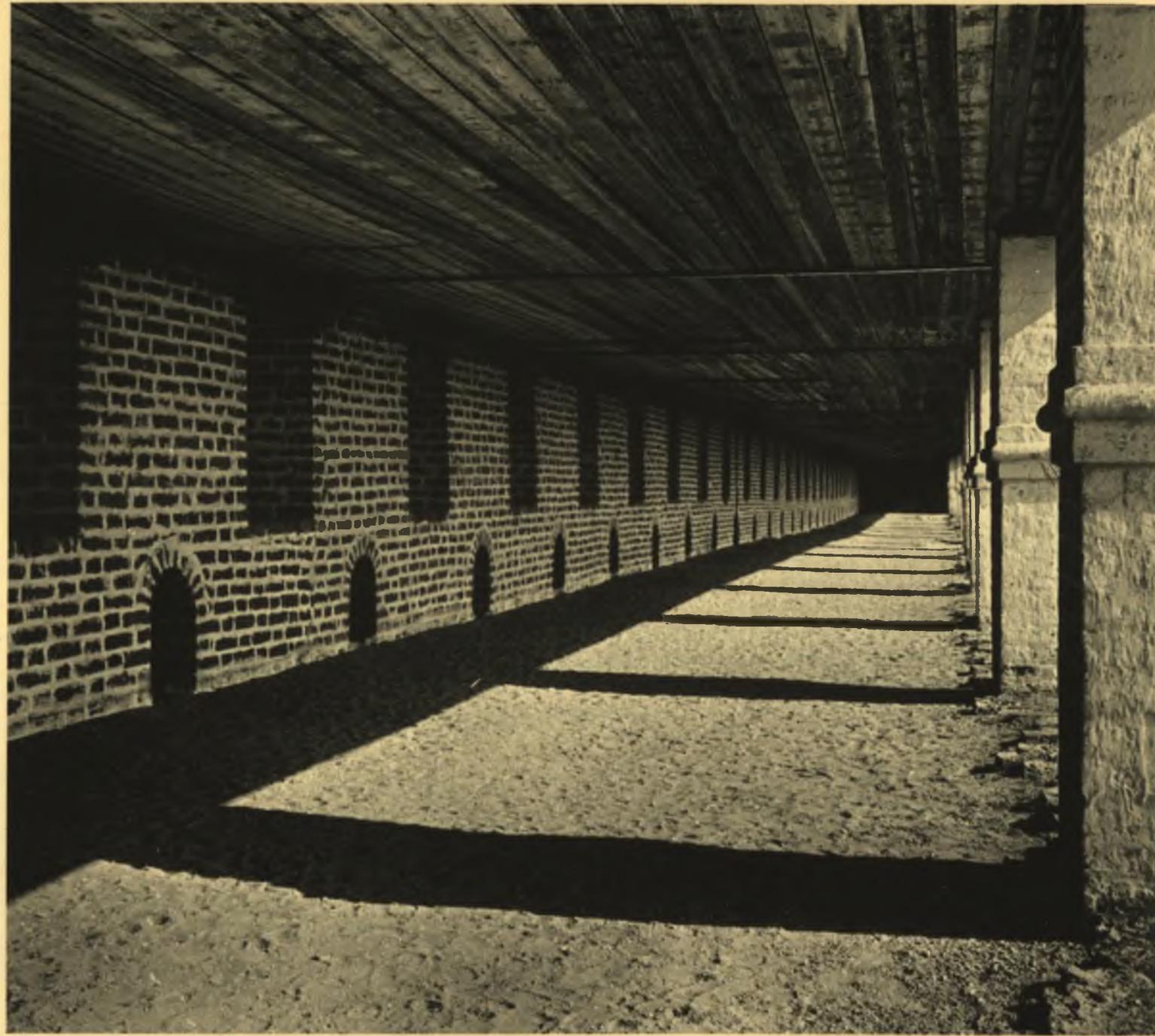

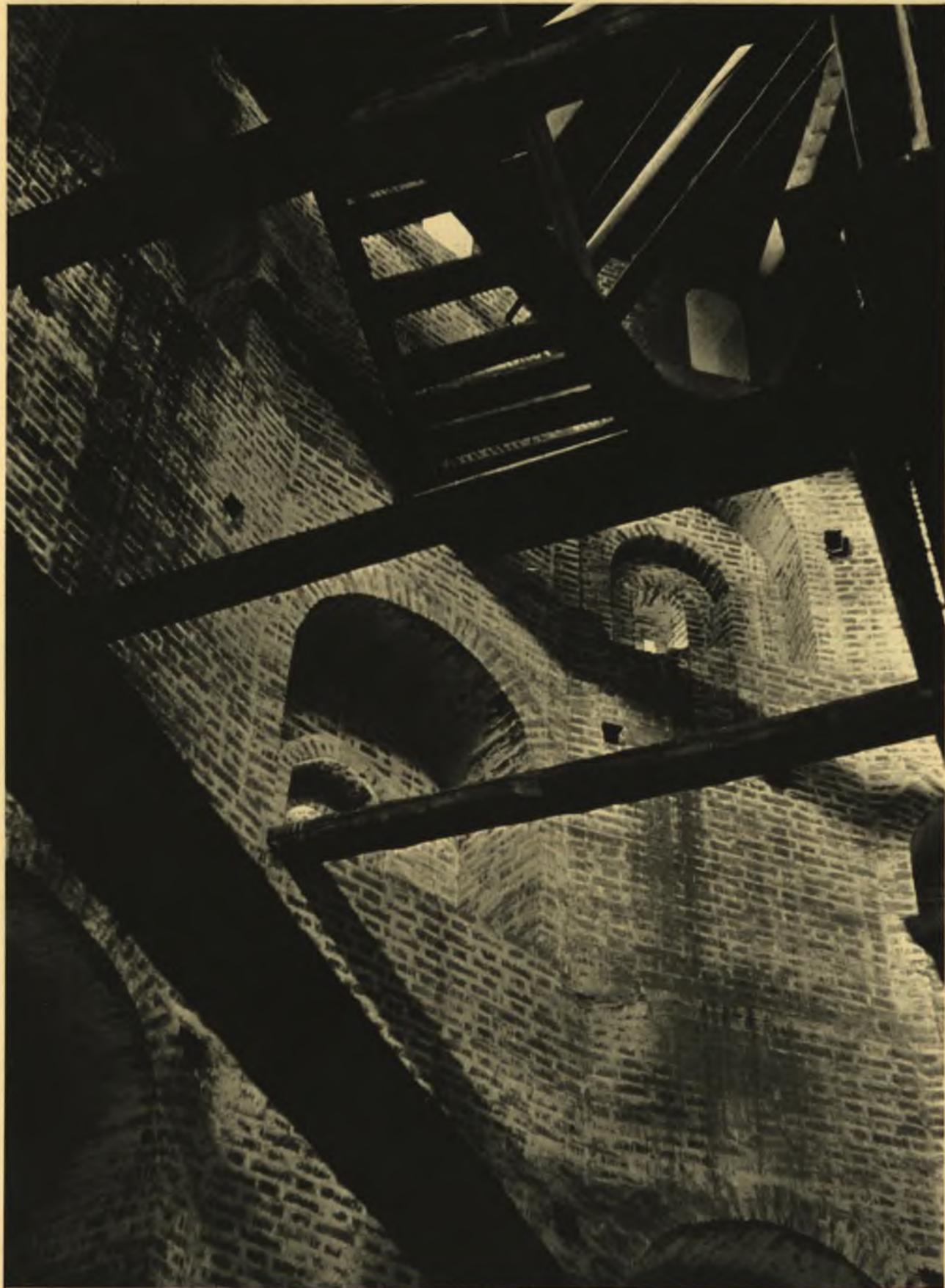

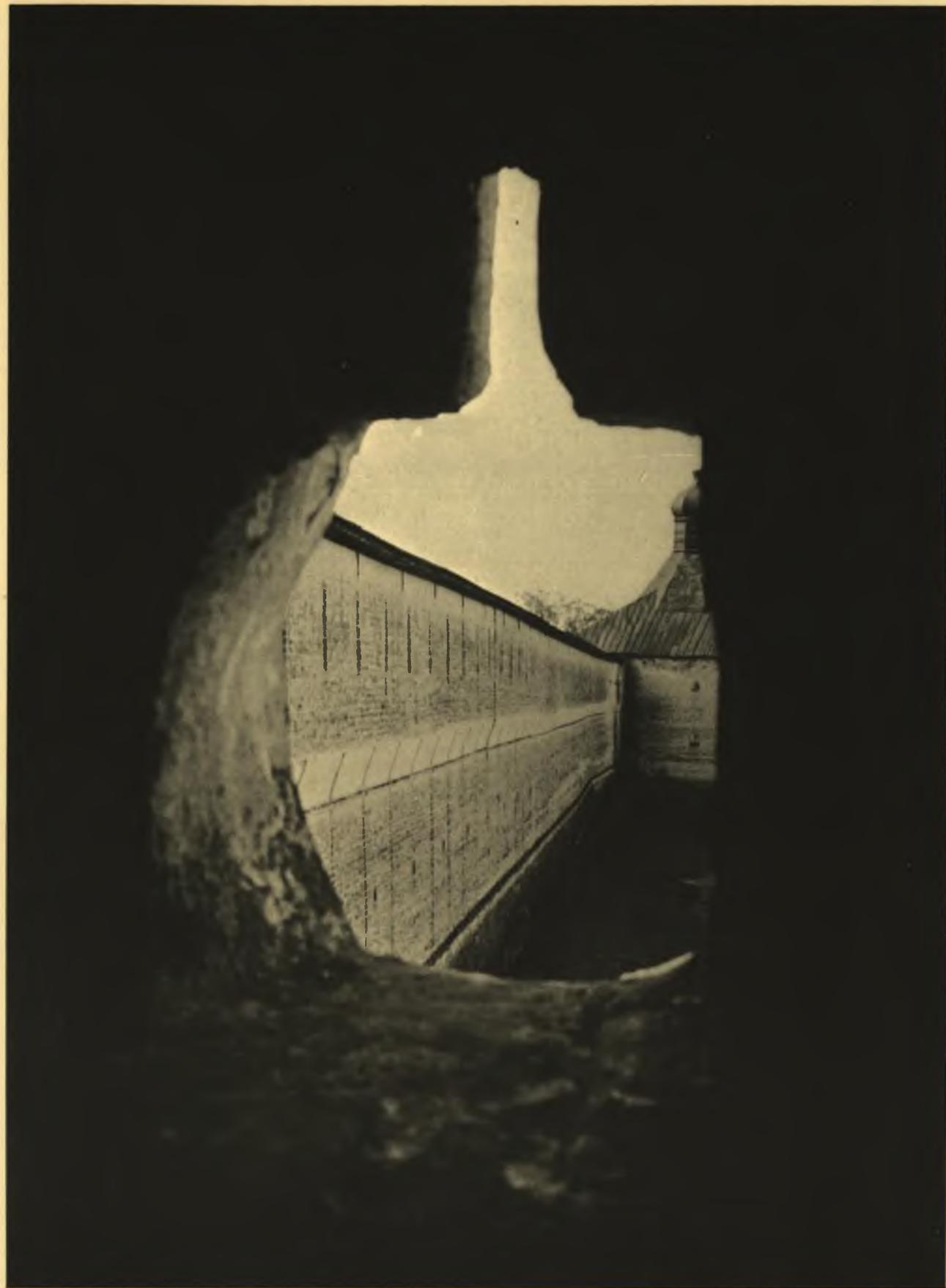

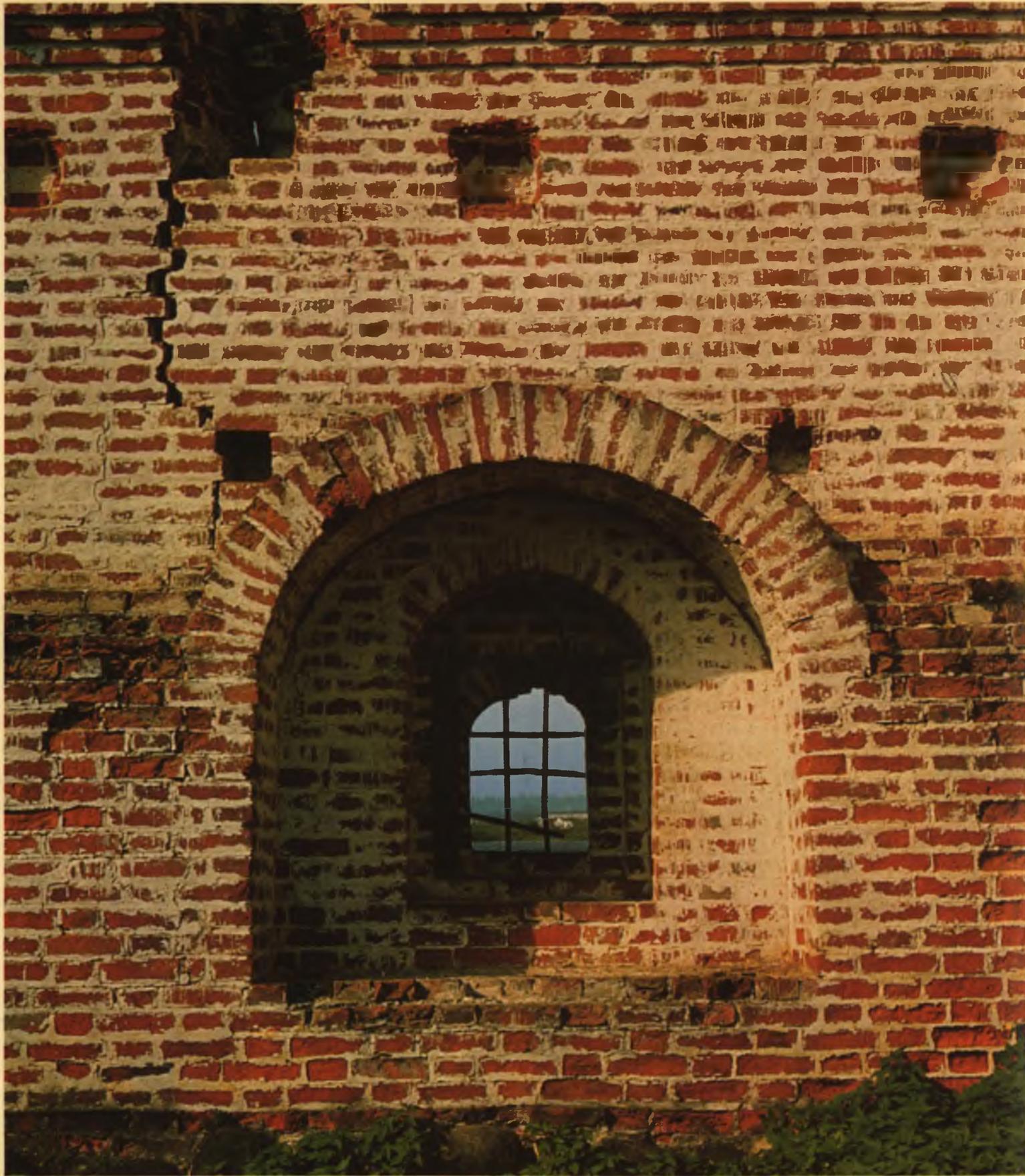

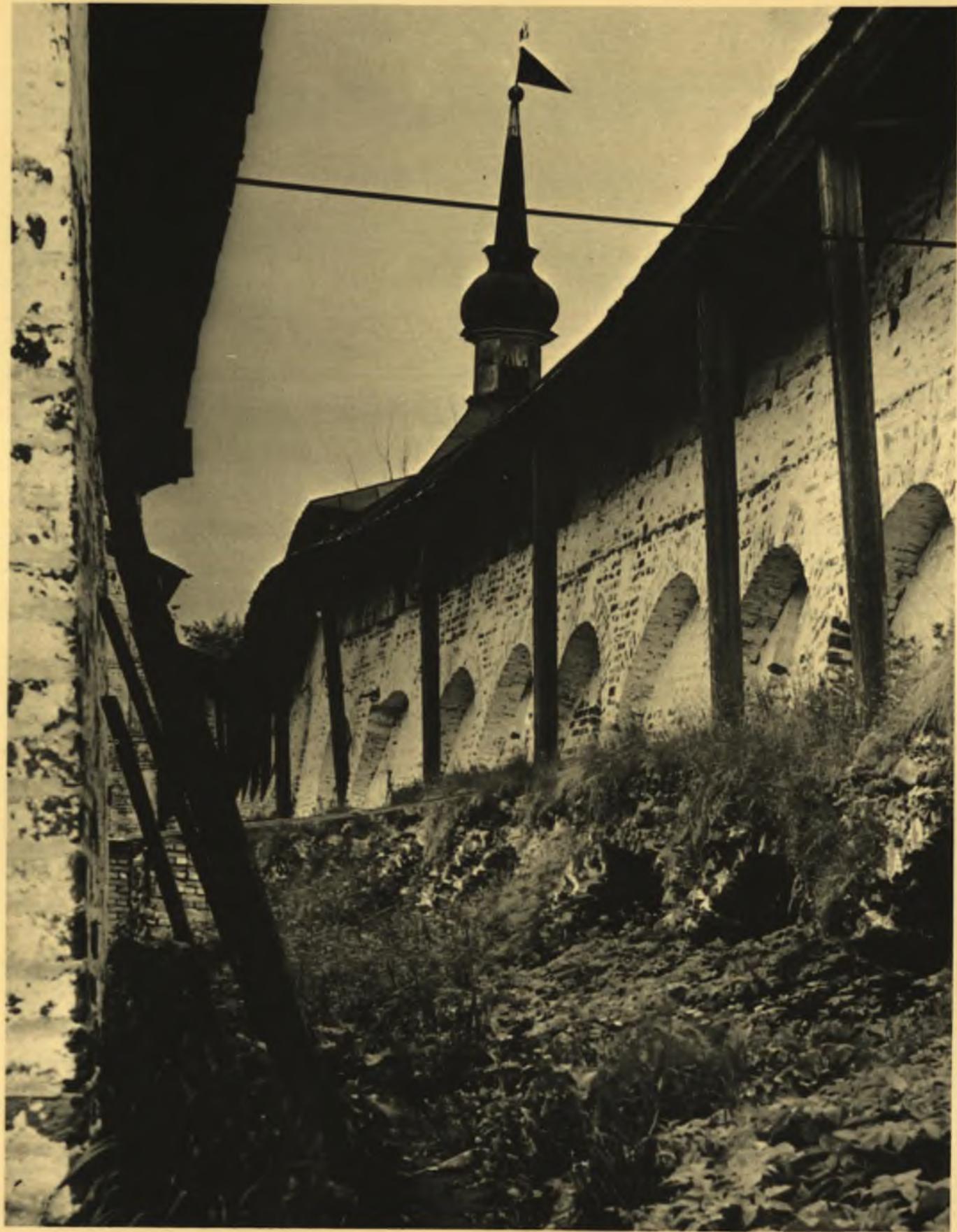

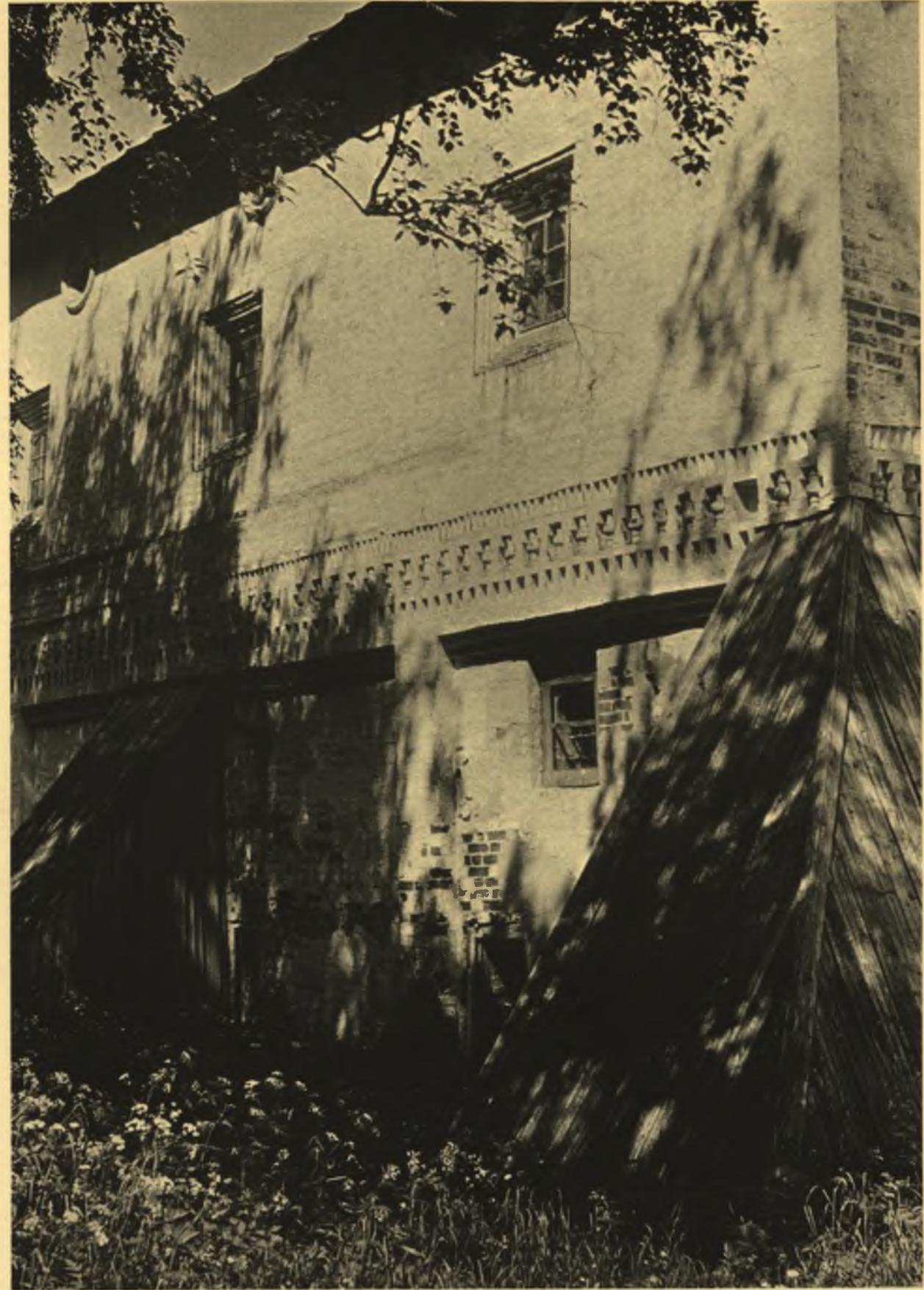

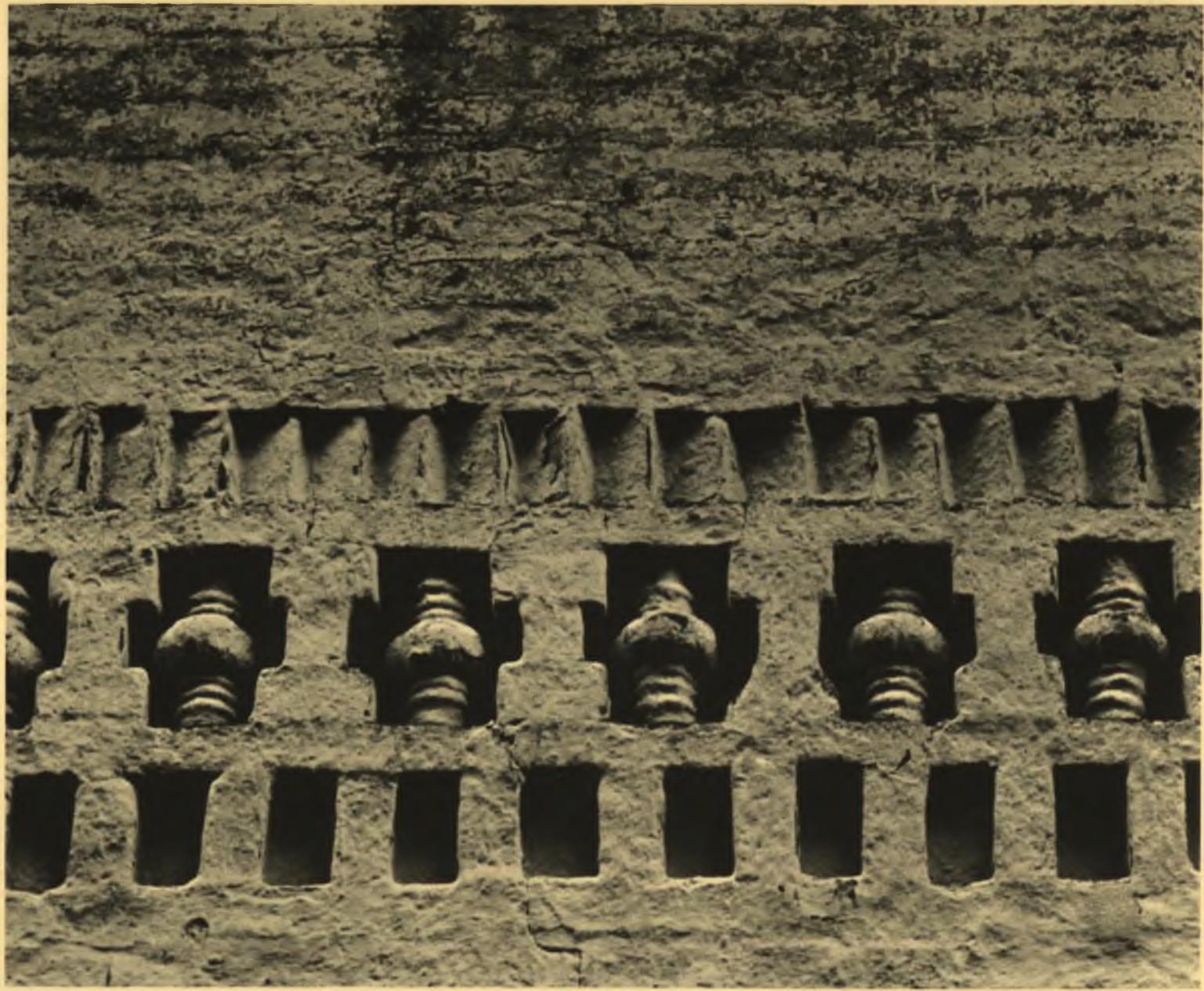

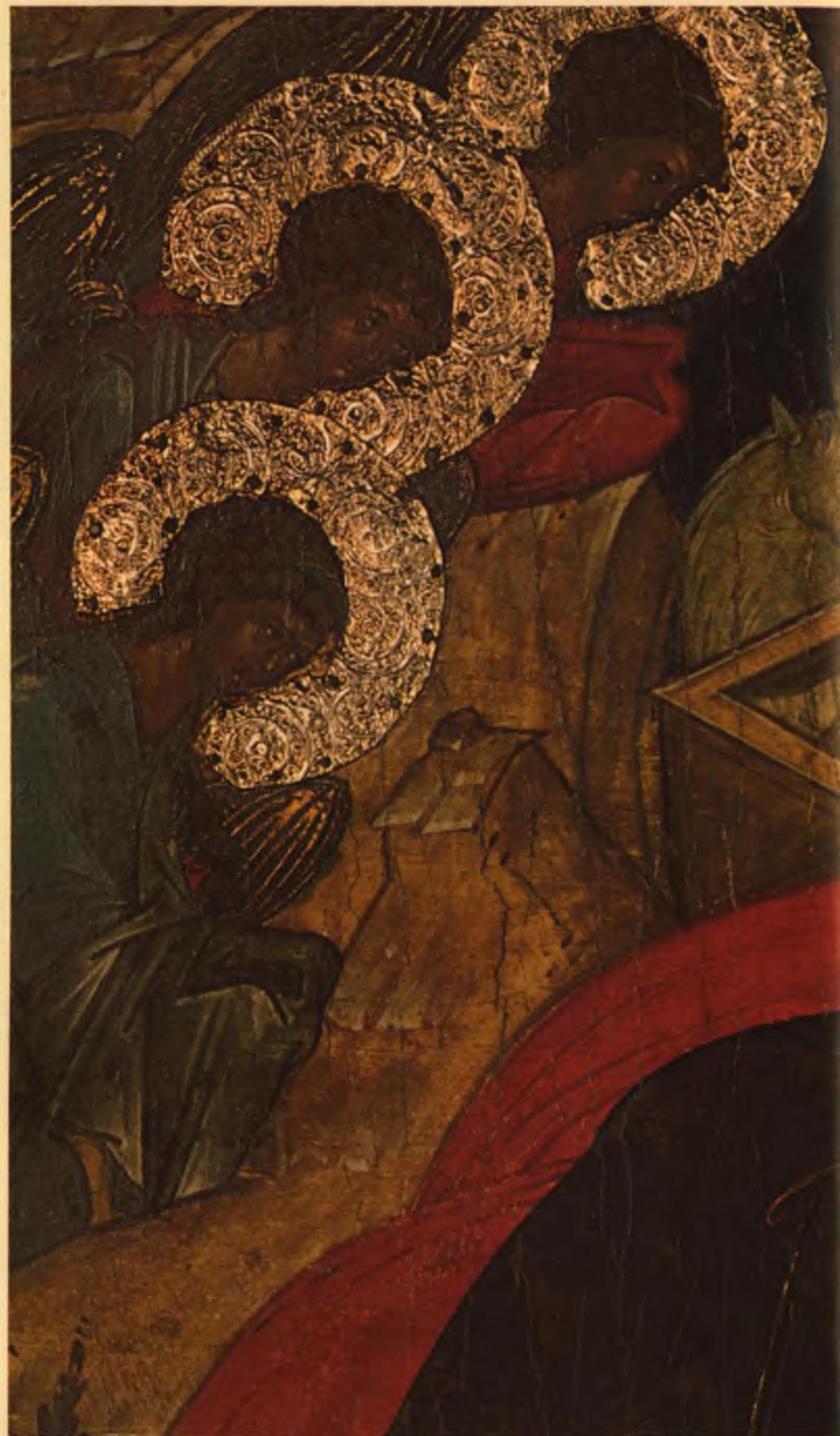

148

149

† ΤΩΝ ΠΑΡΕΛΘΟΝΤΩΝ ΚΑΙ ΤΩΝ ΕΛΘΟΥΣΑΝΤΩΝ

ΤΟΝ ΜΗΝΟΣ ΤΗΣ ΚΑΤΑΡΤΗΣ ΤΗΣ ΧΡΕΙΑΣ
ΔΑΔΥΜΕΤΕΡΑ ΚΑΙ ΕΞΗΛΘΕΝ ΠΑΝΤΑΣ ΕΛΕΥΘΕΡΟΝ
ΧΗ

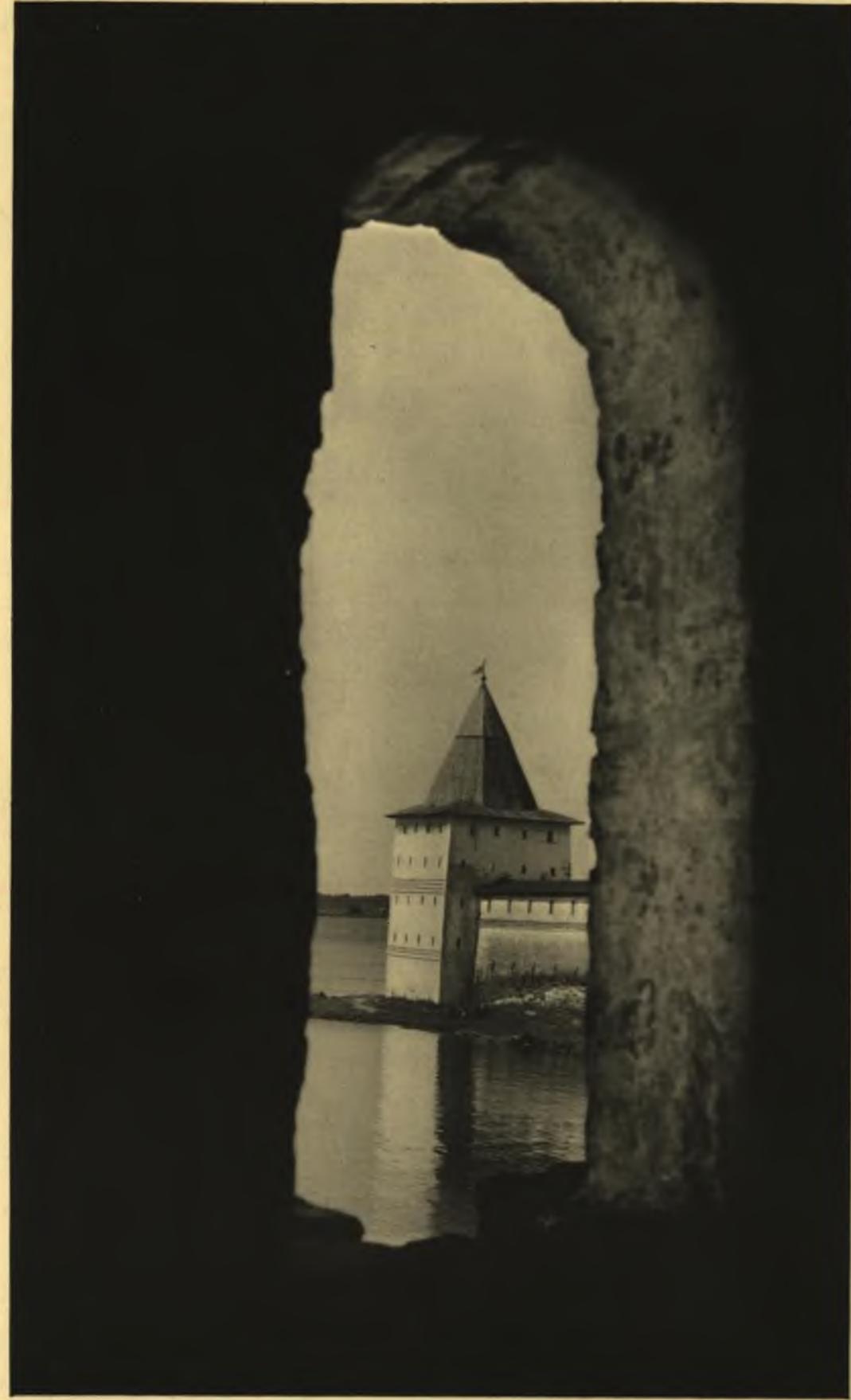
150

151

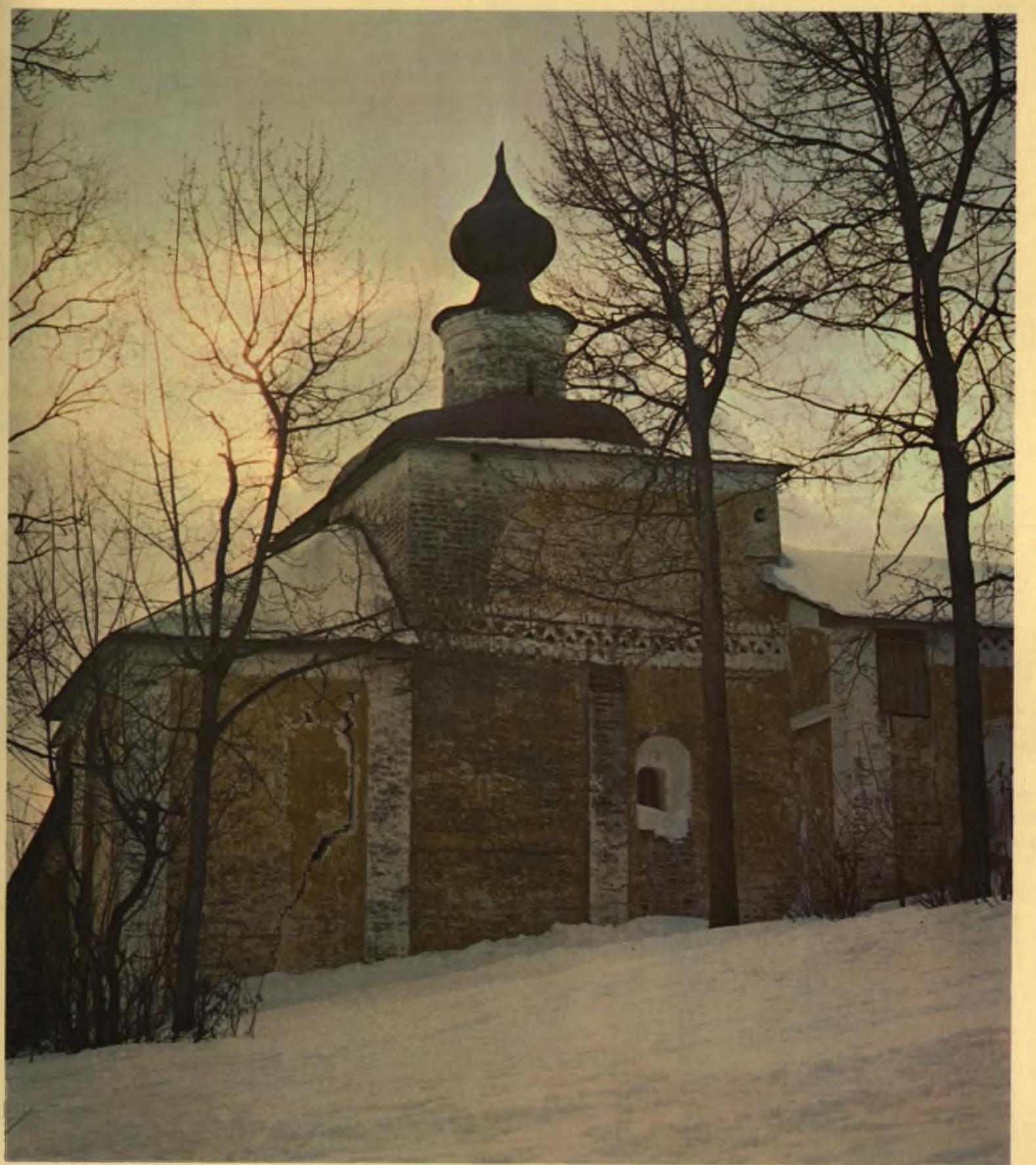

11.

166

167

ФЕРАПОНТОВО

МИРНАЯ ОБИТЕЛЬ
РОСПИСЬ ХРАМА РОЖДЕСТВА

МИРНАЯ ОБИТЕЛЬ. Кириллов монастырь богатырски тяжелый, грузный. Его окружают холмы, а он распластался по берегу Сиверского озера. Ферапонтов — на горе, легко вознесен. Когда идущий из Кириллова автобус вынырнет из леса и вдали замаячат монастырские купола, зрению откроются мягкие, округлые холмы, нежно-зеленые летом и белые, сливающиеся с бледным небом зимой, а главное — Бородавское, или Ферапонтово озеро во весь свой размер, во всю длину. Нам, еще живо чувствующим коридор лесной дороги, небо кажется как бы внезапно отпрянувшим, взлетевшим. Этот переход веселит душу, тем более что открывающееся пространство громадно, но не грандиозно, в нем нет никакого подавляющего величия.

Как сказалась в выборе места для монастырей разность натур Кирилла и Ферапонта! Ферапонт, в миру Федор, был родом из Волоколамска, из боярской семьи Поскочиных. «Аще бе святыи и не хитер грамоте, но душевную доброту и ум здрав стяжа», — сказано о нем в «Житии». Его, обладавшего, должно быть, практической сметкой, часто посылали в ближние и дальние места «для потребы монастырской». Так попал Ферапонт на Белоозеро. Желая лучше узнать этот край, он обошел его весь «и душа его возлюбила сию пустыню». В «Житии» Ферапонт назван сверстником Кирилла по годам и пострижению. «Время некое» старцы прожили «вкупе», «но несогласни бяху обычай в них, Кирилл бо тесное и жестоко хотяше, Ферапонт же гладкое и пространное, и сего ради друг от друга разлучишася».

Ферапонт поставил свою келью на вершине гряды, разделяющей Бородавское и Пасское озера. «Весьма красно место то и угодно на жительство паче иных мест, и возлюби е блаженный зело». Река Паска соединяет озера. На вершине таким образом созданного мыса и высится монастырь. Та радующая сердце веселость и мягкость пейзажа, что некогда привлекла в эти места Ферапонта, была далее многократно воспринята, понята и отражена в творчестве живших здесь, связанных с этим местом людей.

Мы у подножия холма, на котором под углом стоят «Святые ворота» с примкнувшей к ним справа Казенной палатой. Бросаются в глаза, навсегда врезаются в память как что-то остро характерное два венчающие «Святые ворота» маленькие шатра.

Церкви и колокольня Ферапонтова монастыря образуют соединение, сразу же заставляющее почувствовать красоту и разнообразие его частей, мерное чередование сильных акцентированных объемов и пауз. Крайняя слева — трапезная с высокой стройной церковью Благовещения. Ее золоченая глава равно эффектно выглядит зимой, в сетке голых черных ветвей, и летом, сквозь густую листву. Переход связывает трапезную с колокольней и храмом Рождества. Нейтральность его поздних форм только подчеркивает благородные очертания колокольни. Далее, очередным спадом, очередной паузой, следует крытый переход к церкви Рождества и оббегающая ее паперть. Особой полнотой и насыщенностью отличаются формы юго-западной части храма Рождества, воспринимаемого нами во всем великолепии его орнаментальных украшений. К юго-восточному углу храма примыкает

шатровая церковь Мартиниана. Этот шатер перекликается с шатрами надвратных церквей, но, будучи более массивным, уравнивает их. Главные здания ансамбля необходимо осмотреть со всех сторон: увидеть упругие дуги апсид, ощутить суховатую стройность Благовещенской церкви, оценить неожиданность и богатство впечатлений, открывающихся при взгляде с северо-востока. Летом травы по пояс, зимой полутораметровые снежные заносы со всех четырех сторон. Даже и теперь, когда эти места начали притягивать множество народу, здесь сохранилось что-то первозданное, нетронутое. Ферапонтовский ансамбль немногим больше Успенского собора с примыкающими к нему постройками, но по обилию и разнообразию впечатлений он, пожалуй, богаче. Формы здешней архитектуры, в целом, чище: здесь меньше поздних грубых дополнений (крыльцо, относящееся к XVIII веку, новая трапезная, пристроенная к западному фасаду церкви Мартиниана, четырехскатная кровля и барочная глава храма Рождества).

В Кириллове, на что ни взглянешь, непременно, пусть на втором, на третьем плане, возникают могучие вертикали угловых башен или тяжелые горизонталы крепостных стен. В Ферапонтове впечатление определяет именно эта мирная цепочка белых храмов. Ферапонтов монастырь ни в малейшей степени не напоминает крепость. Он лишен высоких и крепких каменных стен и башен (сохранилась лишь часть невысокой каменной ограды XIX века). Сливаясь со светлой тональностью окружающей природы, Ферапонтов монастырь производит впечатление глубокой умиротворенности и покоя.

Во времена Ферапонта образ жизни монахов отличался простотой, напряженным трудом, искренним благочестием: «Пение в церкви божией, безмолвие по келиям со всяким утверждением всякого рукоделия; . . . инии книги пишут, друзии книгам учатся, инии сети плетут на рыбные ловления, друзии келии делают . . . инии водуносяще и хлебы и варения приготавливают». Устроенный на берегу Бородавского озера, монастырь жил, подчиняясь строгим правилам Кириллова устава.

После десяти лет, проведенных в основанном им монастыре, Ферапонт, будучи уже семидесятилетним старцем, был призван в Можайск князем Андреем, сыном Дмитрия Донского. Последние примерно двадцать лет его жизни связаны с другим, основанным близ Можайска на берегу Москва-реки, Лужецким монастырем. Умер Ферапонт годом раньше Кирилла. До самой смерти не переставал он сокрушаться об оставленной им обители, молил бога, чтоб «не запустело место то и чин бы монастырский укрепился».

Преемником Ферапонта стал Мартиниан — выходец из крестьян, родом из деревни Березники, в шестидесяти верстах от Вологды. Воспитанник Кирилла Белозерского, долгие годы живший с ним в одной келье, на удивление быстро овладевший грамотой, Мартиниан славился как переписчик книг. Он был среди тех, кто положил начало знаменитой библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря. Двенадцать лет был Мартиниан игуменом Ферапонтова монастыря, «вся устроая во образ от Кириллова обычая». Новый можайский князь благоволил Мартиниану. Из княжеских грамот 30-х годов XV столетия видно, что

все земли, прилежащие к монастырю, находились к тому времени уже в его владении. Великий князь Василий Темный за то, что Мартиниан снял с него вырванное силой Дмитрием Шемякой клятвенное обещание не домогаться великокняжеского престола, сделал его игуменом Троице-Сергиева монастыря. Вернувшись на Белоозеро после восьмилетней отлучки, Мартиниан «строительство взял места того». В ту пору и сам монастырь именовался Мартиниановым.

Со времени Мартиниана Ферапонтов монастырь превратился в важный центр просвещения. Он славился ученостью иноков, богатством библиотеки, искусством «доброписцев» (о смерти одного из них, старца Варлаама, упоминается в летописи).

Учеником и одним из ближайших преемников Мартиниана был Иоасаф, до пострижения князь Иван Оболенский, бывший ростовский архиепископ. При нем в 1490 году ростовские каменщики на месте обветшавшей деревянной Рождественской церкви поставили каменную — первый каменный храм Белозерского края. Четверик храма завершали в ту пору три яруса кокошников, а не четырехскатная кровля, как теперь. Стройный, на высоком подклете, он стоял обособленно, притягивал к себе красотой кирпичных узоров, керамических плит с изображением фантастических зверей и растительных орнаментов и свежей росписью западного фасада: прославленный иконописец и стенописец Дионисий с сыновьями и помощниками в 1500—1502 годах расписал храм Рождества.

Несколько позднее собор был с трех сторон обведен каменной галереей, а к ее северо-западному углу пристроили звонницу. Со времени сооружения в 1530—1534 годах трапезной церкви Благовещения (церковь «под колоколы») звонница храма Рождества должна была утратить свое первоначальное значение. Вероятно, во второй половине XVI века на месте каменных галерей появилась паперть.

Церковь Благовещения с трапезной — главный памятник монастыря XVI века. Она была построена не только одновременно с храмами архангела Гавриила и Иоанна Предтечи, но и по тому же поводу на вклад великого князя Василия III. Церковь отличается подчеркнутой стройностью. В пяти арках-пролетах завершающей части храма висели колокола. Трапезная в четыре раза превышает площадь церкви. В первом ее этаже находилась монастырская поварня и другие хозяйственные помещения. В центре трапезной палаты стоял квадратный в плане столп. В конце XVII или начале XVIII века трапезная была превращена в церковь, а храм Благовещения — в алтарную ее часть. До сих пор сохранился поставленный в ту пору и занимающий всю восточную стену иконостас.

В XVI веке была построена и Казенная палата — одно из лучших гражданских сооружений того времени.

Вероятно, концом XVI—началом XVII столетия следует датировать колокольню. Вслед за нею были построены переходы, соединившие церковь Рождества с трапезной. К концу 30-х годов XIX века возвели новые, существующие до сих пор.

Последние крупные постройки относятся к 40-м годам XVII века. Это церковь Мар-

тиниана, первоначальные формы которой отличались простотой и благородством, и Святые ворота. Церковь была очень маленькой. она занимала квадратный четверик, увенчанный восьмериком, несущим шатер, — он и поныне остается самой привлекательной особенностью внешнего вида этого храма, воздвигнутого над могилой прославленного игумена.

Над Святыми воротами, как уже упоминалось, разместились две церкви — во имя Ферапонта и Богоявления. Эта последняя была домовою церковью патриарха Никона, проведенного в монастыре десять лет.

Вотчина Ферапонтова монастыря была на Белоозере второй по значению после Кирилловской. В XVII веке в его владении находилось шестьдесят деревень и сто семь пустошей. Уже к концу XV века земли двух монастырей сошлись, и вскоре начались споры из-за нарушения полюбовных записей. В XVII веке эти некогда мирно разрешавшиеся споры перерастали в настоящие баталии. Стороной теснимой оставался обычно Ферапонтов монастырь. «И владеете . . . ферапонтовской землей насильством», — писали из Ферапонтова, обращаясь к властям Кирилло-Белозерского монастыря.

XVIII век для Ферапонтова монастыря — время упадка и прозябания. В 1798 году монастырь был закрыт и превращен в приходскую церковь.

Ныне Ферапонтов монастырь является филиалом Кирилловского музея-заповедника.

РОСПИСЬ ХРАМА РОЖДЕСТВА. Нам бесконечно дорог весь ансамбль Ферапонтова монастыря, его светлый эмоциональный тон. Но лучшее, что есть в Ферапонтове, — несомненно, росписи Дионисия. Нужно, однако, признать, что подобный взгляд возник совсем недавно. Известно, что имя Дионисия несколько раз упоминается в летописи и других письменных источниках древней Руси. Его называют «пресловущим», «зело хитрым» — мудрым мастером. О нем и его помощниках, украсивших одну церковь, говорилось «изящные и хитрые в Русской земле иконописцы, паче же рещи живописцы». В древних документах имя Дионисия упоминают рядом с именем Андрея Рублева. Если же обратиться к XIX веку, к поздним сочинениям, прямо касающимся истории Ферапонтова монастыря, то с удивлением приходится отметить, что, интересуясь многим, рассказывая о многом — о паникадиле, подаренном монастырю царем Михаилом Федоровичем, об иконостасе с иконами древнего письма, о житии Ферапонта, Мартиниана, о заточении Никона, — их авторы даже не упоминают Дионисия. Рождественской росписи, славящейся своей сохранностью, не записанной, первоизданной, будто вообще не существует. Своеобразное прозрение наступает в XX веке. Побывав зимою 1900 года в Белозерском крае, Павел Шереметев в своей книге, посвященной этой поездке, пишет о посещении церкви Рождества: «Здесь повеяло древностью . . . Прекрасные входные двери, изразцы, замечательная стенная живопись, великолепно сохранившаяся, прекрасного письма иконы . . . словом, все отражало одно прошлое без примеси оскорбительной новизны».

Вышедшая в 1911 году книга В. Т. Георгиевского «Фрески Ферапонтова монастыря» произвела переворот во взгляде на ферапонтовские росписи. Произошло их открытие. Отныне и Дионисия мы стали представлять создателем, в первую очередь, цикла ферапонтовских росписей. За каких-то несколько десятилетий значение их громадно выросло. Для нас росписи в Ферапонтове — одно из самых значительных явлений в истории древнерусского искусства.

В рождественских росписях жизненное соединилось с идеальным. Воедино слиты торжественность, праздничность и просветленность. На редкость полно раскрыты выразительные возможности монументальной живописи. Между архитектурой и росписью существует глубокая гармоническая связь.

Западный фасад храма Рождества. Увертюра дионисиевой росписи. Это о них Шереметев сказал: «...прекрасные входные двери». Даже после того, как рассмотришь роспись самой церкви, узнаешь ее «красоты многие», — даже и тогда не померкнет впечатление от фресок западного фасада. Кажется, что Дионисий хорошо понимал значение этого живописного введения. Росписи отличаются исключительной красотой цвета и ясностью композиции. Ее венчающая часть — Деисус. Мысль о заступничестве перед богом главенствует. К сожалению, эта часть фрески еще в древности оказалась поврежденной, ее перерезала кровля паперти. Сейчас господствующее место занимает сцена рождества богоматери — верхняя слева и находящаяся рядом справа сцена ласкания младенца Марии родителями. Глубокий сине-голубой тон одежд Анны, золотая чаша в руках склоняющейся к Анне женщины, золотая купель на фоне холодных зеленых и приглушенно охристых тонов воспринимаются как цветовые акценты. Сдержанность цвета и замедленность движений придают значительность и торжественность этим двум сценам. Стройные ангелы, стоящие по сторонам портала, — один вписывает в длинные свитки имена входящих в храм, второй грозит мечом «не во время исходящим и неблагочинно стоящим». Роспись перспективного портала связывает фасад церкви с фресками внутренней части.

На всей росписи храма Рождества лежит отблеск того волнения, которое в древнем русском человеке возбуждал акафист богородице.

Темы акафиста занимают главное место в росписях храма — двадцать пять композиций. Если встать в центр храма, то на восточных столбах в их верхней части возникнет четырежды повторенная сцена благовещения, соответствующая первым четырем песням акафиста, в каждой из которых упоминается это событие. Содержание следующих четырех песен отражено в росписях второго яруса западных столбов. Это «Целование Марии и Елизаветы», «Сомнения Иосифа» — на южном и «Поклонение пастырей» и «Путешествие волхвов» — на северном. Четырежды повторенное «Благовещение» изумляет, оно втягивает в свой поэтический повтор. «Целование Марии и Елизаветы» и «Сомнения Иосифа» трогают особенной тишиной и глубиной чувства.

Далее акафистные сцены переходят в юго-западный угол церкви: «Поклонение волхвов»,

«Возвращение волхвов», «Бегство в Египет»; в северо-западный угловой квадрат: «Сретение», «Христос, указывающий апостолам на книгу», «Богоматерь-Знамение и преподобные», «Деисус». Одна из самых поэтических фресок Ферапонтова — путешествующие волхвы, волхвы-всадники. Легкий приглушенный цвет. Силуэты всадников выделяются на светлом фоне земли. Группа рисуется над аркой, плавное очертание которой напоминает вершину холма. Клонятся вправо горки, как бы предопределяя направление движения. Повторяются округлые, устремленные слева направо линии. Возникает впечатление легкого движения, особой невесомости волхвов: кажется, что они не скачут, а летят, парят в воздухе. С шестнадцатой песни росписи занимают центральную верхнюю часть южной стены. Это «Христос на троне», «Богоматерь на троне и два витии», «Шествие на Голгофу». Затем акафистные мотивы переходят на обращенные к углам части западных столбов. Здесь находится знаменитая фреска «Стена еси девам», изображение Христа со святителями с символическим изображением колодца и жаждущими очищения людьми. На обращенной ко входу верхней части северо-западного угла написана богоматерь со свечой в руках в окружении пророков, под ними — пребывающие в вертепе люди. Двадцать вторая песнь «Сошествие во ад и уничтожение записи Адама» вдохновила Дионисия на создание росписи, размещенной на северной стене. Рядом, восточнее, — молящиеся перед храмом, перед появляющейся богоматерью и младенцем. На этой же стене в росписи «Поклонение иконе Одигитрии» отражено содержание последней песни акафиста. Этот цикл кончается на северной стороне северо-западного столба фреской, которая сюжетно связана с вводной, вступительной частью гимна.

174

Характер апофеоза в величании богоматери носит изображение центральной апсиды — богоматерь с младенцем на троне и несколько многофигурных композиций: «Покров богоматери», размещенный над центральной апсидой, еще дальше по главной оси церкви «Знамение», в центре южной стены «Похвала богородице», а в центре северной — написанная на текст песнопения Иоанна Дамаскина фреска «О тебе радуется, обрадованная, всякая тварь». Изображение семи вселенских соборов на южной, западной и северной стенах храма прямо связано с содержанием акафиста: на соборах было установлено почитание богоматери. Росписи на евангельские темы, покрывающие коробовые своды, связаны с многократно повторяемой в акафисте мыслью, что Христос-бог воплотился в образ человеческий. Занимающие западную стену изображения страшного суда, геенны огненной и ада имеют в Ферапонтове совершенно оригинальный характер: не мысль об отмщении и наказании занимает Дионисия, но кроткая и мягкая мысль о праведниках, о воздаянии за добродетели. Даже ад у Дионисия не страшен.

Несколько обособлен южный Никольский придел церкви. Изображение подвигов Николы чудотворца должно было служить своеобразной конкретизацией представлений о праведной жизни. К числу самых сильных и искренних образов относится лик Николы в конхе южной апсиды. Многодумное чело, черты чистые и величавые, взгляд серьезный,

ясный, с легкой тенью печали. Из двух основных типов изображения святого — сурового, с мечом в руке и благостного, кроткого — Дионисий определенно предпочел второй. Вот Никола останавливает казнь, спасает утопающего, покупает ковер у бедняка и возвращает вещь его жене. . . — фрески повествуют о житии одного из самых любимых и почитаемых на Руси святых.

Человек, впервые попадающий в храм Рождества, может испытывать некоторую скованность от незнания внутренней композиции росписей, ее сюжетов. Общий строй ферапонтской стенописи постигается, однако, сразу: захватывает ее просветленно-радостный тон, покоряет цвет. Использованием местных красок (красящих земель — обломков цветных сланцев, песчаников и известняков), насчитывающих около ста оттенков и отличающихся разными качествами — то плотных кроющих, то лессировочных — объясняются совершенно замечательные качества росписи. Обилие близких оттенков каждого цвета сообщает росписи цельность, воздушность, особую вибрацию.

Так, в шестидесятитрехцветных медальонах с погрудными изображениями мучеников и преподобных соблюдается строго выверенное гармоническое соотношение. Если главный внутренний круг, например, насыщенно красный, то следующий — непременно светлее, а третий, внешний, самый легкий по цвету, светло-розовый. В одеждах святых цвет центрального круга повторяется во множестве своих оттенков. Богатство цветовых нюансов достигается не тем, что основной колер далее ослабляется белилами, а использованием различнейших местных красок в их чистом цельном виде. Чередуются синие, зеленые, охристо-желтые, красные медальоны.

Объединяющим цветом является лазурь, одна из немногих красок, которые Дионисий должен был привезти с собой. Это дорогой, доставляемый из Средней Азии, цветной камень ляпис-лазурь. Разные оттенки лазури насыщают роспись. Взметнулся лазурный гиматий Христа-Вседержителя, написанного на лазурном фоне купола. На лазури возникают фигуры шести архангелов, трое из них изображены в лазурных одеждах. Лазурь одежд евангелистов. Темный пурпур с лазурью — одеяние богоматери в главной апсиде. На сводах — лазурные «реки благочестия». Вселенские соборы изображены на лазурных фонах. Этот легчайший, «пространственный» цвет гармонично дополняют богатейшие оттенки желтых, охристых, коричневых красок.

Только в Ферапонтине встречается удивительно легкий розовый тон. Розовые палаты, розовые горные пейзажи, розовокрылые херувимы, розовые одежды евангелиста Марка и одного из архангелов, во фреске «Покров богородицы» — покров розовый. Просветленно-радостный аккорд образуют эти розовые тона с зелеными. В ферапонтских росписях зеленый цвет опять-таки особый — смягченный, цвета листьев осины.

К числу самых проникновенных относятся вариации белого цвета. Необыкновенно нарядны и разнообразны по рисунку кресчатые фелони — темно-лазурные, черные, которые еще усиливают сияющую белизну. Изображение белой, украшенной кругами пелены идет

по низу. Неистоцима фантазия мастеров — орнамент, заполняющий эти более чем пятьдесят кругов, ни разу не повторяется.

Художник-философ, Дионисий общался с умнейшими людьми своего времени — Иосифом Волоцким, Иоасафом, пригласившим его в Феррапонтово, сподвижниками Нила Сорского. Так же, как они, Дионисий жил страстями своего времени. Рождественские фрески направлены против враждебной монашеству ереси. Они оппозиционны по отношению к политике великого князя Ивана Васильевича, мечтавшего об отторжении в пользу государства монастырских земель. Возможно, что как раз эта злободневность придавала несколько повышенную взволнованность некоторым сценам феррапонтовской росписи (Первый Вселенский собор). И все-таки, главное, что обнаруживает наше время в создании Дионисия и его помощников, — это воплощение мечты о совершенном одухотворенном человеческом существе, о жизни людей и любви и согласии. И неслучайно под этим сводом, у этих стен невольно вспоминается «Троица» Андрея Рублева — ее кроткие ангелы, музыкальность ее линий, ее цвет, будто бы вобравший чистые краски русского лета, а в сущности своей выражающий духовную просветленность. Подобно произведениям Андрея Рублева, творчество Дионисия — одна из самых поэтичных страниц истории древнего русского искусства.

Кириллов и Феррапонтово — как *два голоса в хоре* — дополняют и подкрепляют друг друга. Богатырская мужественность и радостная просветленность находят в этих памятниках духовной жизни Древней Руси свое полное выражение.

БИБЛИОГРАФИЯ

И. И. Бриллиантов. Феррапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. СПб., 1899.

П. П. Покрышкин и К. К. Романов. Древние здания в Феррапонтовом монастыре Новгородской губернии. — «Известия имп. Археологической комиссии». Вып. 28. СПб., 1908.

В. Т. Михайловский и Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.—Л., «Искусство», 1941.

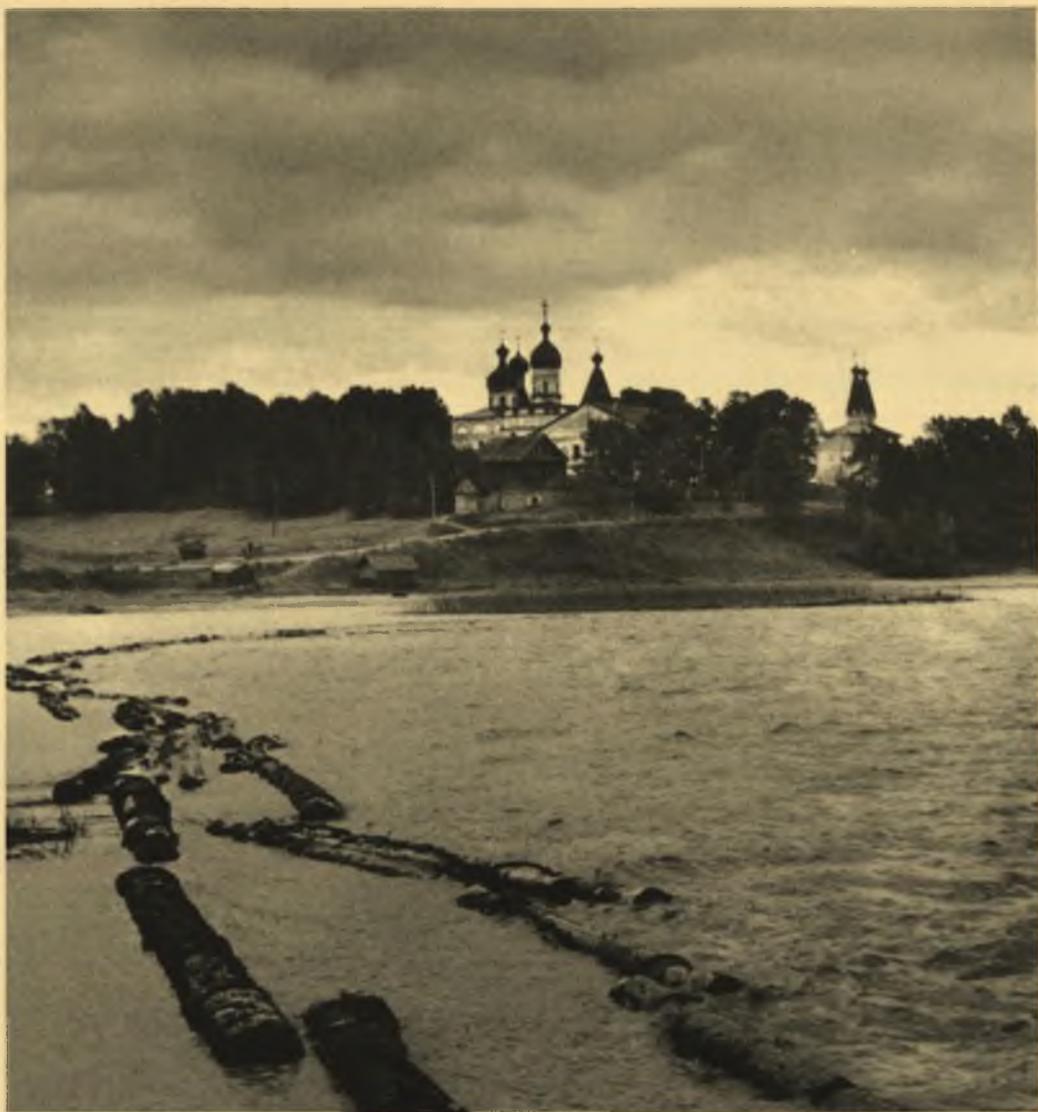
Н. М. Чернышев. Искусство фрески в Древней Руси. М., «Искусство», 1954.

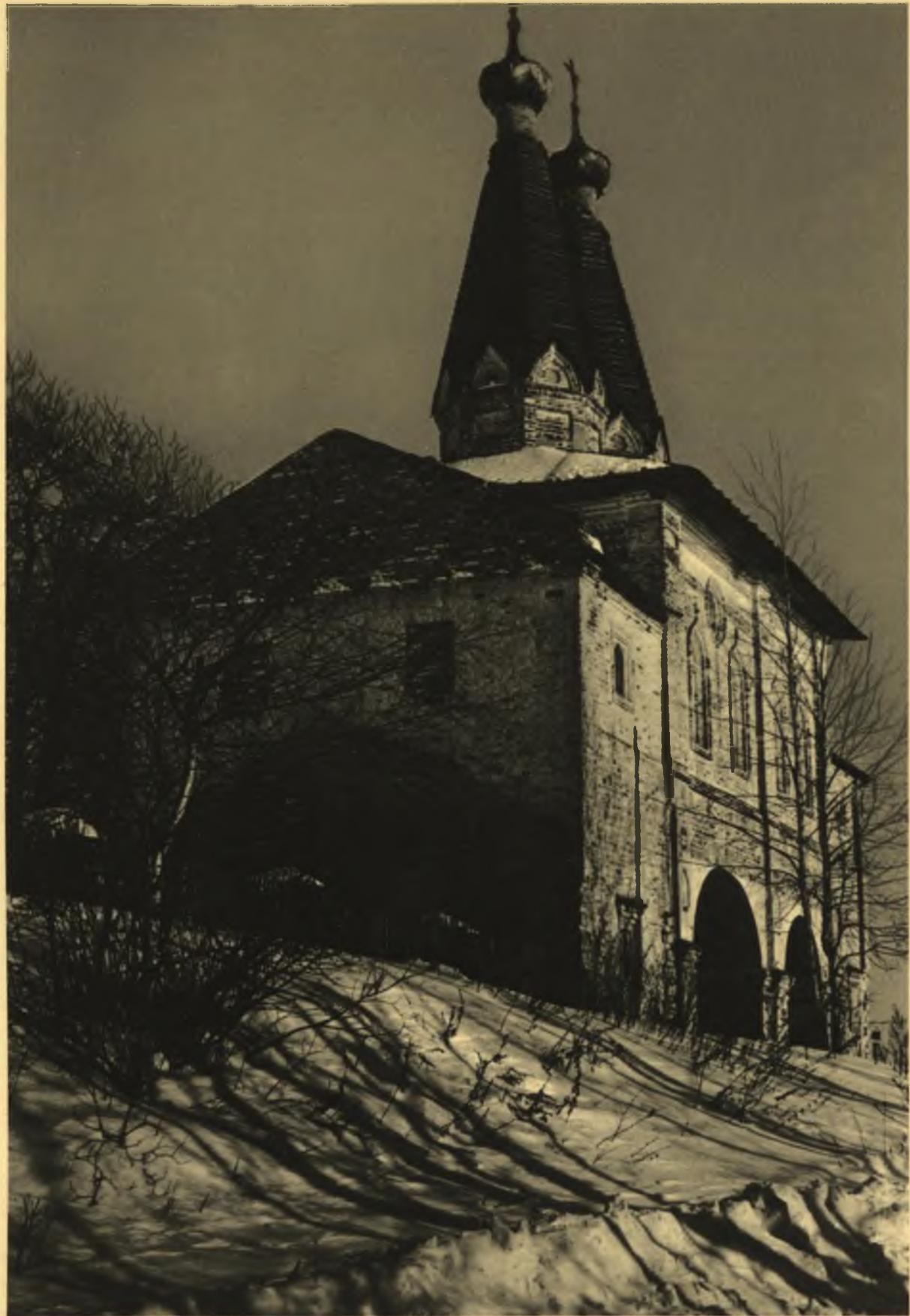
В. Н. Лазарев. Дионисий и его школа. — «История русского искусства». Т. 3. М., Изд-во Академии наук СССР, 1955.

И. Е. Данилова. Иконографический состав фресок Рождественской церкви Феррапонтова монастыря. — «Из истории русского и западноевропейского искусства. Материалы и исследования». М., Изд-во Академии наук СССР, 1960.

Н. К. Голейзовский. «Послание иконописцу» и отголоски ислазма в русской живописи XV—XVI вв. — «Византийский вестник». Т. 26. М., 1965.

Т. Н. Михельсон. Живописный цикл Феррапонтова монастыря на тему акафиста. — «Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси». (Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 22). М.—Л., 1966.

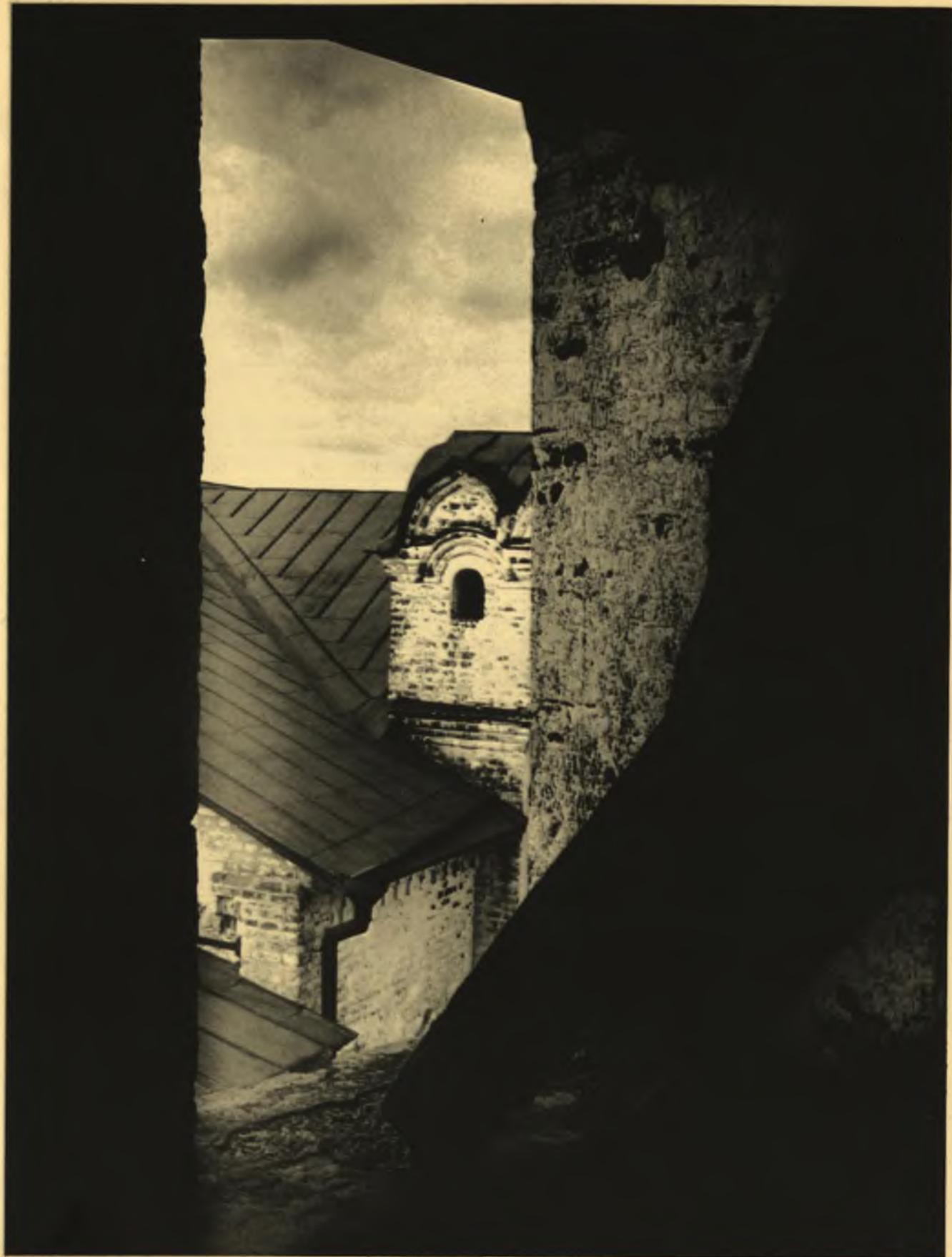

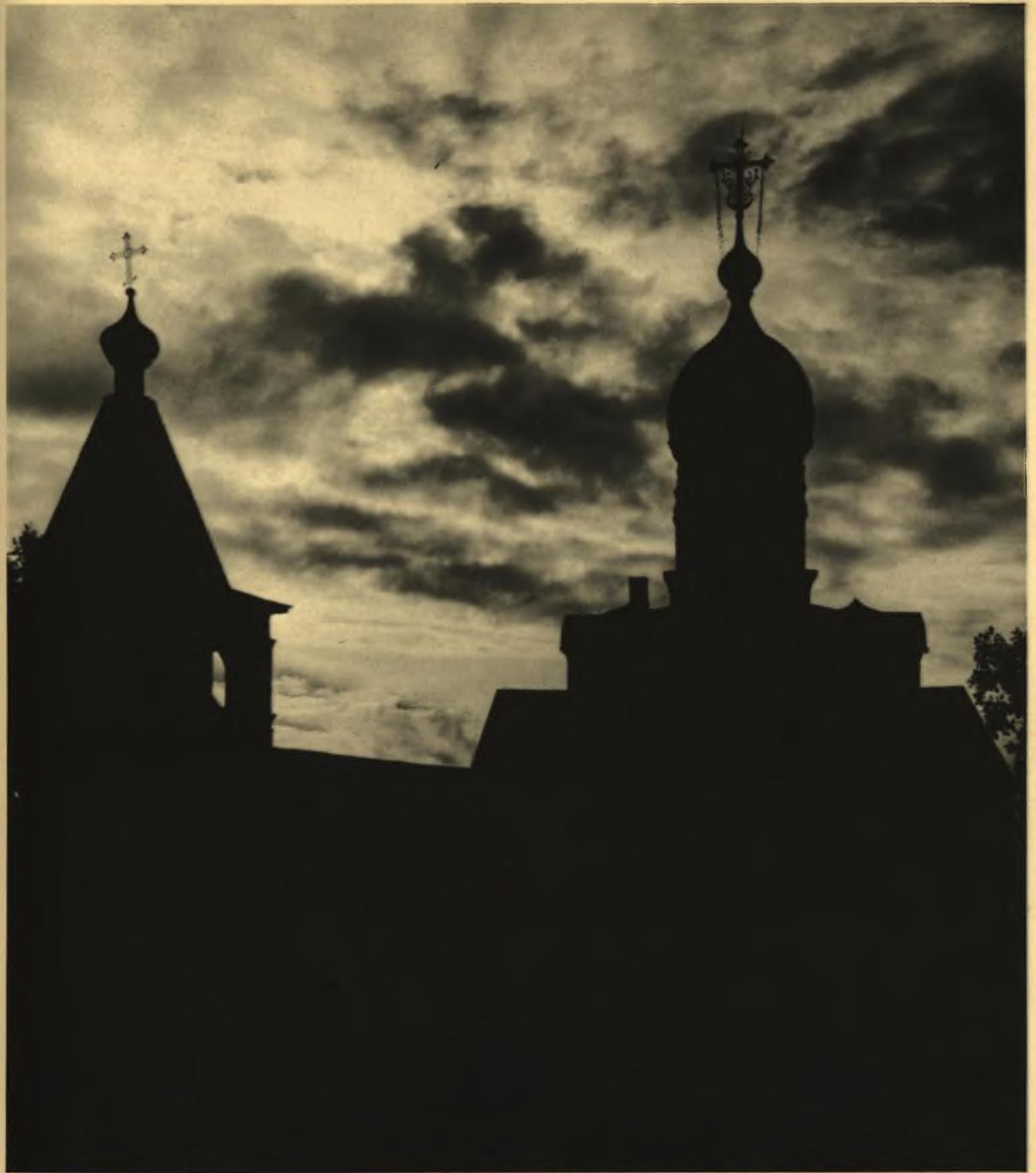

11

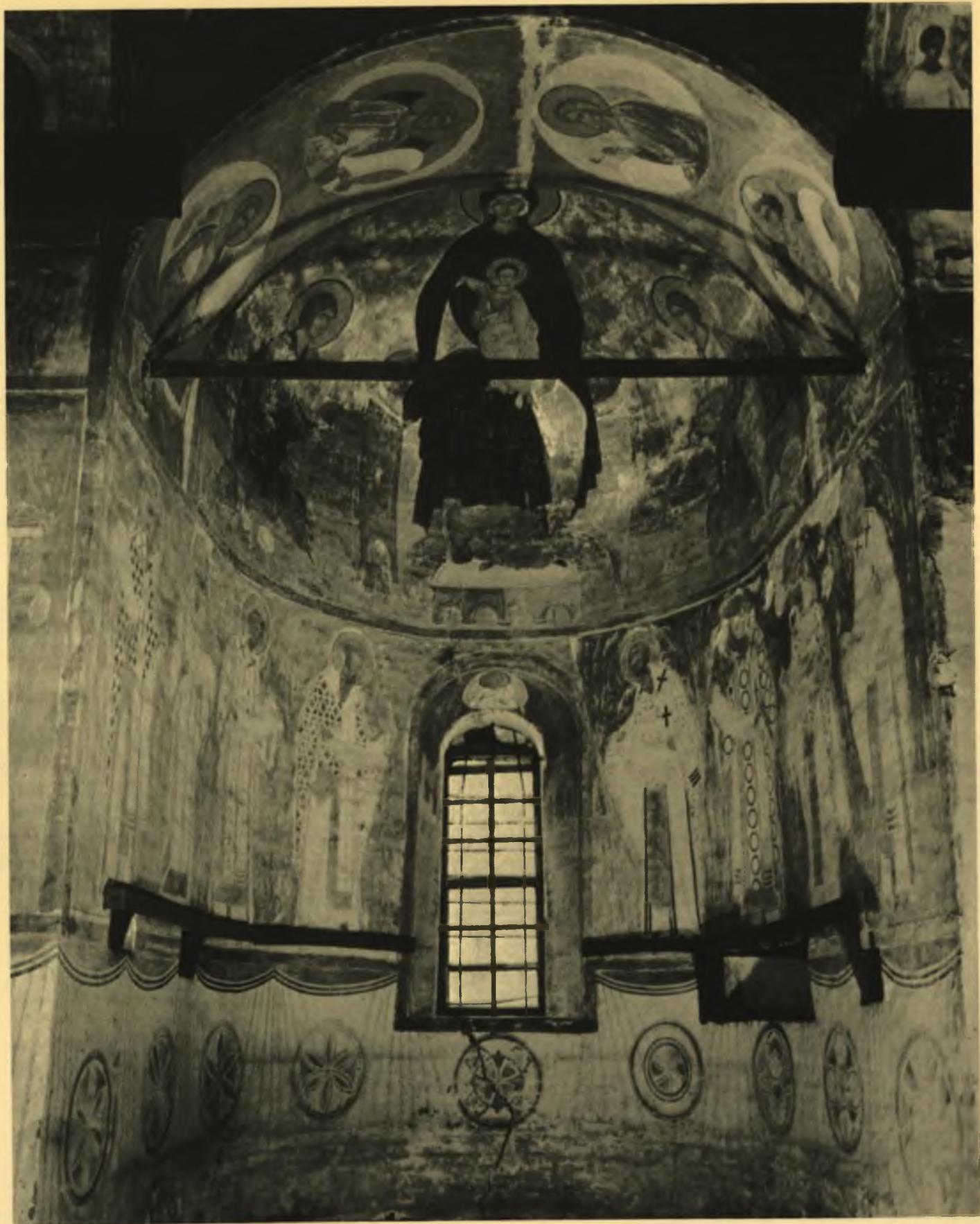
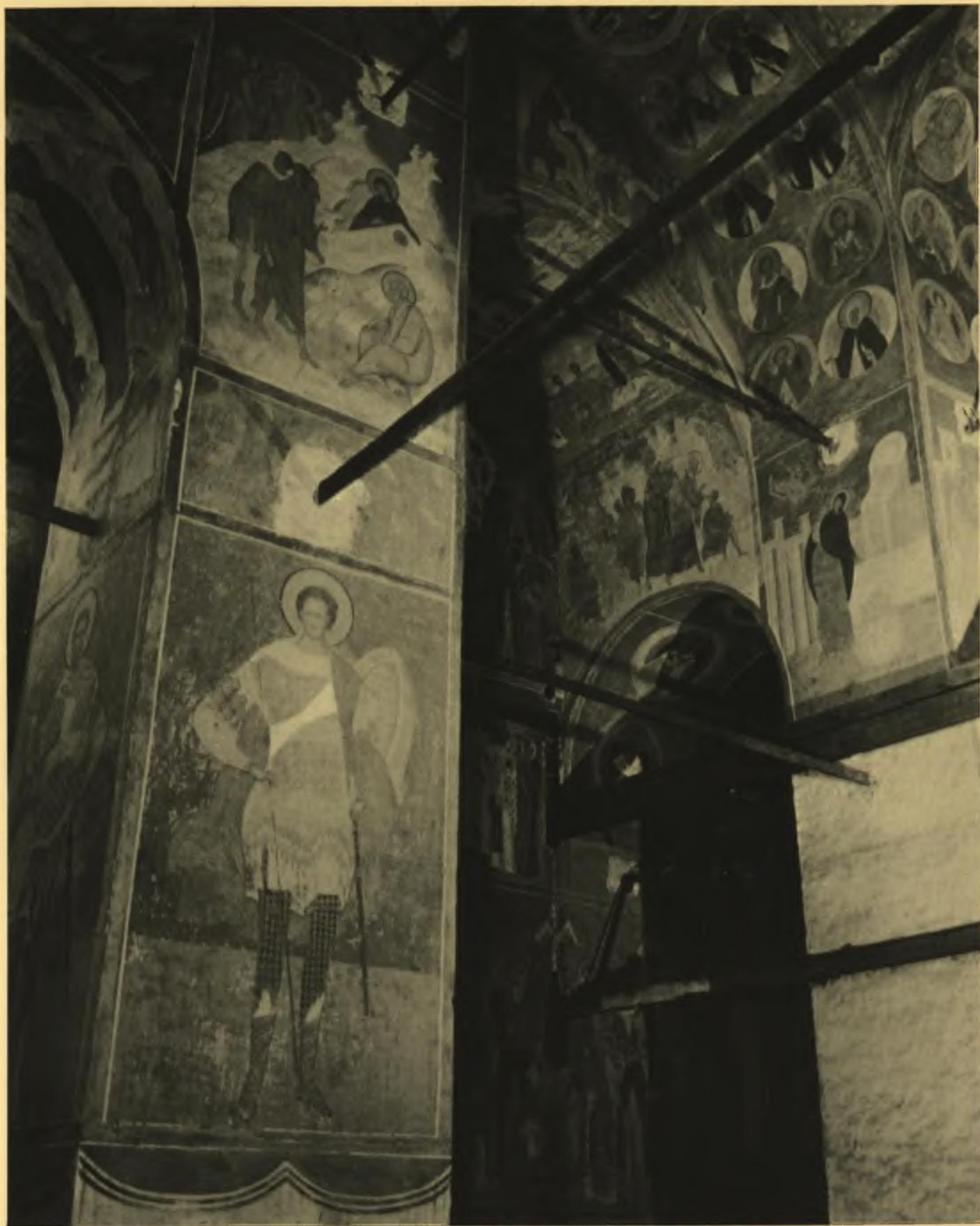

11

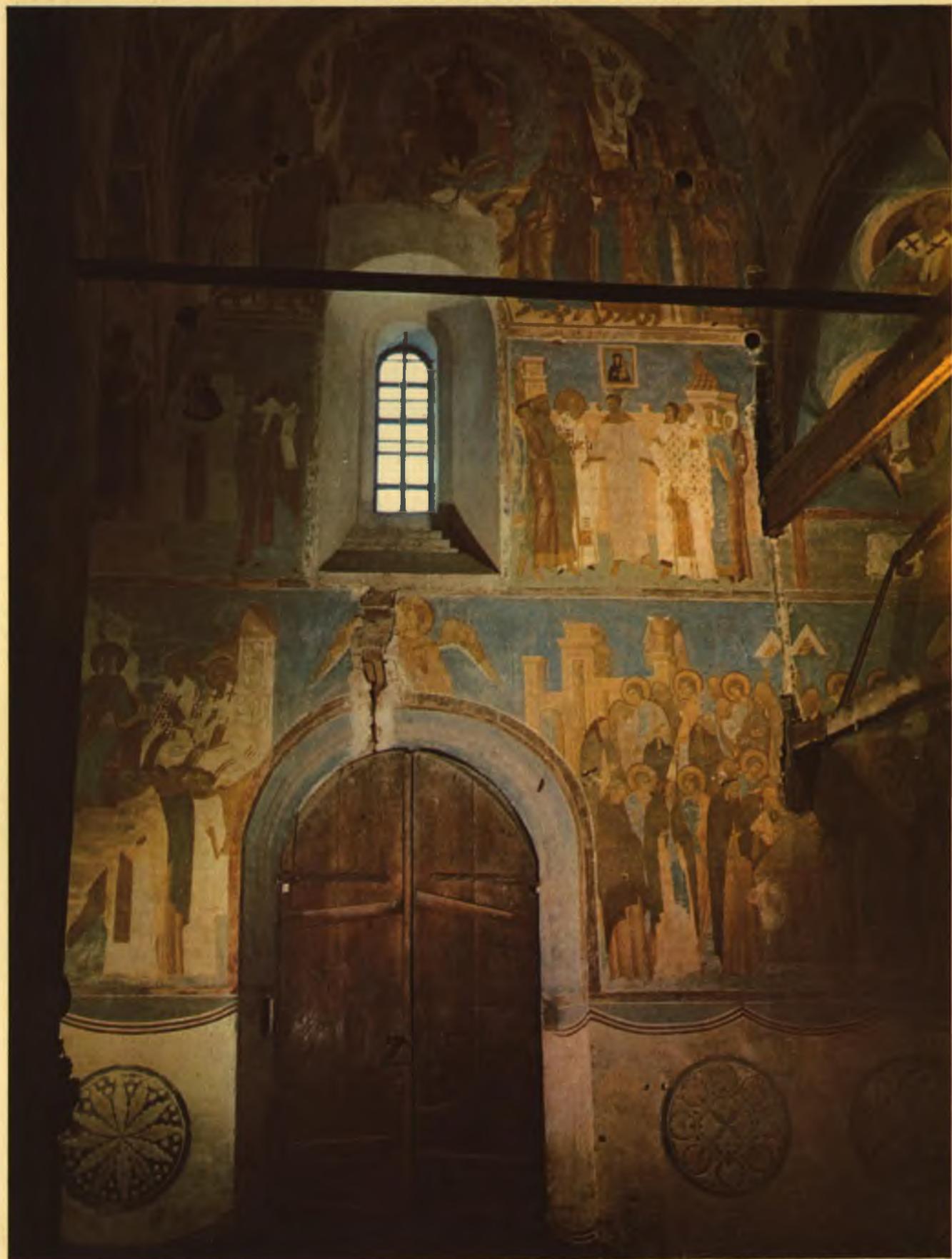

212

213

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

RUSSIAN NORTH • KYRILLOV FERAPONTOVO

SUMMARY. LIST OF ILLUSTRATIONS

Кириллов. Церковный ансамбль Успенского монастыря	6	Внутри Свиточной башни	73
Ферапонтово. Церковь Рождества богородицы	7	Часть ограды Успенского монастыря	74
КИРИЛЛОВ			
Вид на монастырь с южного берега Сиверского озера	33	Кирпичная кладка. XVI в.	75
Юго-восточная часть монастыря	34, 35	Проход на озеро с хозяйственного двора	76
Юго-западная часть монастыря	36—39	Часть стены с внутренней стороны монастыря. XVI в.	77
Вид на монастырь со стороны Сиверского озера	40, 41	Северо-западная стена с внутренней стороны монастыря	78
Берег Сиверского озера у подступов к монастырю, Остатки вбитых в землю бревен — древних укреплений берега	42, 43	Северо-западная стена с решеткой над Свягой	79
Стена монастыря с Глухой, Кузнечной и Вологодской башнями	44, 45	Северный угол Большого монастырского двора с Московской башней	80
Глухая (Котельная) башня. XVI в.	46	Ярусы стен Нового города	81
Кузнечная башня. XVII в.	47	Второй ярус стен	82
Свиточная башня. XVI в.	48, 49	Второй ярус стен. Арка с бойницей	83
Южная стена с Поваренной и Хлебной палатками и надвратной церковью Преображения	50	Третий ярус стен	84
Воляные ворота с надвратной церковью Преображения. Вторая половина XVI в.	51	Бойница «навесного боя»	85
Хлебная палатка. XVI в.	52	Внутри Московской башни	86, 87
Орнамент на стенах. XVI в.	53	Часть северо-западной стены с Косой башней. Вид с Московской башни	88
Поваренная палатка. XVI в., переложена в XVIII в.	54	Белозерская башня. Вид с колокольни	89
Малая Мереженная башня. XVI в.	55	Окна в юго-западной стене. Вид с внутренней стороны монастыря	90, 91
Юго-западная стена с Белозерской (Большой Мереженной) и Малой Мереженной башнями	56	Часть юго-западной стены с внутренней стороны монастыря	92
Белозерская башня. XVII в.	57	«Тюремный» двор у подножия Белозерской башни	93
Железная кованая решетка над рекой Свягой. XVII в.	58	Келья в северо-западной стене, так называемая «тюрьма»	94
Троицкие ворота. XVII в.	59	Внутренний вид кельи	95
Окна в стене у подножия Белозерской башни	60, 61	Большой монастырский двор	96
Московская (Ферапонтовская) башня. XVII в.	62	Большой Успенский монастырь. Святые ворота (1523) с надвратной церковью Иоанна Лествичника	97
Северная стена Нового города. Вид от Вологодской башни на Казанскую и Московскую	63	Церковь Иоанна Лествичника. 1572	98
Стена Нового города с Белозерской и Косой башнями. XVII в.	64	Церковь Иоанна Лествичника. Барабан купола	99
Белозерская башня	65	Святые ворота. Вид от Успенского собора	100
Вид на Казанскую и Вологодскую башни	66	Церкви Владимира (1554) и Епифания Кипрского (1645)	101
Казанская башня. XVII в.	67	Успенский собор (1497) и церковь Владимира	102
Аллея, идущая от Казанской башни к Святым воротам	68, 69	Успенский собор. Дверь в западной пристройке. XVIII в.	103
Часть большого монастырского двора с Вологодской башней. XVII в.	70	Успенский собор. Центральная апсида, лента орнамента	104
Южный угол монастыря с Кузнечной башней	71	Успенский собор. Барабан купола	105
Свиточная башня. Фрагмент декора	72	Успенский собор. Роспись купола	106
		Успенский собор. Фрагмент росписи	107

Проход под колокольней. Вид от Успенского собора...	108	Крест напрестольный. XVII в. Фрагмент.....	144
Апсида церкви архангела Гавриила (XVI в.), справа — Успенский собор.....	109	Кресты. XVII в. (верхний ряд). Крест. XVI в. (нижний ряд слева). Крест напрестольный. XVII в.	145
Успенский собор. Портал в северной стене.....	110	Изразец «красный». XVII в.	146
Успенский собор. Выход на северную паперть.....	111	Изразец «красный». XVII в.	147
Колокольня. XVI—XVIII вв.	112	Изразцы «красные», орнаментальные	148
Церковь Преображения и «домик келаря».....	113	Изразец «красный». XVI в.	149
Южная стена Успенского собора, слева — церковь архангела Гавриила.....	114	Пелена «Положение во гроб». XVI в.	150, 151
Апсида церкви архангела Гавриила	115	Глухая башня	152
Южный угол Успенского монастыря с церковью Евфимия Великого. Вид с колокольни	116	Иванов монастырь. Вид на Глухую и Кузнечную башни	153
Церковь Евфимия Великого. Звонница.....	117	Глухая башня	154
«Домик келаря». Главный фасад. XVII в.	118, 119	Церковь Сергия Радонежского. 1560—1596.....	155
Церковь Евфимия Великого. 1646. Вид из Успенского собора	120	Церковь Сергия Радонежского. Южная сторона	156, 157
Церковь Евфимия Великого. Вид от «домика келаря»	121	Глухая башня	158
Большая больничная палата. XVI в.	122	Вид из Глухой башни	159
Вид «домика келаря» со стороны хозяйственного двора	123	Церковь Иоанна Предтечи. 1531—1534	160
Казенная палата. Северный угол	124	Церковь Иоанна Предтечи. Западный портал	161
Казенная палата. XVI—XVIII вв. Южная стена с контрфорсами	125	Церковь Иоанна Предтечи. Фрагмент двери	162
Казенная палата. Южный фасад	126, 127	Церковь Иоанна Предтечи	163
Казенная палата. Орнамент	128	Иванов монастырь. Юго-западная часть	164
Водяные ворота	129	Церковь Сергия Радонежского. Вид с северной стороны.	165
Евангелие. Оклад. XVII в.	130	Малая больничная палата. 1730-е гг.	166
Хоругвь «Явление Кириллу Белозерскому богоматери в Симоновом монастыре». 1565. Фрагмент	131	Малая больничная палата. Внутренний вид	167
Икона «Введение во храм». Из иконостаса Успенского собора. XV в.	132	ФЕРАПОНТОВО	
Икона «Рождество Иисуса Христа». Из иконостаса Успенского собора. XV в.	133	Ферапонтов монастырь. Вид с северо-западной стороны.	177
Деталь иконы «Введение во храм».....	134, 135	Святые ворота с надвратными церквами Богоявления и Ферапонта. XVII в.	178
Деталь иконы «Рождество Иисуса Христа».....	136, 137	Церковь Рождества богородицы. 1490. Вид от Святых ворот	179
Икона «Успение богоматери». Из иконостаса Успенского собора. XV в.	138	Трапезная церковь Благовещения. 1530—1534. Крытые переходы	180
Икона «Пророк Илия». XVI в.	139	Колокольня	181
Дионисий и его мастерская. Икона «Василий Великий». XVI в.	140	Церковь Рождества богородицы. Апсида	182
Пелена «Распятие». 1566	141	Церковь Рождества богородицы и колокольня	183
Двустворчатый складень. XVI в.	142	Церковь Рождества богородицы и шатер церкви Мартиниана	184
Ладаница. XVII в.	143	Колокольня, купол церкви Благовещения и юго-западный угол церкви Рождества богородицы.....	185

Церковь Мартина и южная стена церкви Рождества богородицы	186	Никольский придел	200
Церковь Рождества богородицы (часть западной стены) и шатер церкви Мартина	187	Конха южной апсиды. Николай чудотворец	201
Церковь Благовещения. Восточная сторона	188	Никольский придел. Успение Николы	202
Церковь Благовещения. Южная стена	189	Никольский придел. Перенесение мощей святого Николы	203
На колокольне	190	Юго-восточный столб. Митрополит Алексий	204
Церковь Благовещения и колокольня	191	Святитель	205
Ключ от церкви Рождества богородицы	192	Северная стена церкви	206
Дионисий и его мастерская. Росписи церкви Рождества богородицы. 1500—1502. Западный фасад	193	Северная стена. Седьмой Вселенский собор	207
Центральная апсида. Богоматерь с младенцем	194	Юго-западный столб. Дмитрий Солунский	208
Внутренний вид церкви	195	Западная стена	209
Северная апсида	196	Северная стена. Шестой Вселенский собор	210
Конха северной апсиды. Иоанн Предтеча	197	Западная стена. Четвертый Вселенский собор	211
Внутренний вид церкви. На северо-западном столбе — святой Георгий	198	Нижний пояс росписи. Пелена	212, 213
Центральная апсида. Святители	199	Юго-западный столб. Феодор Стратилат	214
		Вид из храма на паперть	215

For Moscow Russia inhabitants Beloozero (White Lake) was a remote, almost inaccessible land. Maybe that is why outstanding monuments of old Russian wooden and stone sculpture, monumental painting, icon painting, and applied art have survived almost intact here. And among the most remarkable of them are architectural ensemble of the Kyrillo-Belozersky Cloister and paintings of the great old Russian artist Dionysius in the Temple of Birth of the Virgin in the Ferapontov Cloister.

In 1397 monk Kyrill (Cyril) from the Moscow Simonov Monastery founded a new cloister by the Syverskoye lake — one of the numerous lakes in the region. Later it was called Kyrillo-Belozersky Cloister. By influence and wealth second only to the famous Troitse-Sergieva Lavra near Moscow, it had almost 5,000 serf households in the 17th century, was an important centre of enlightenment, well-known for its book-copyists, icon painters, masters of the fine church-plate.

The Uspensky Cathedral was built in 1497 by the team from the city of Rostov, headed by Prokhor. It was the first temple of the Cloister made of stone. Despite latest alterations, it retains characteristic features of Russian architecture of the late 15th century. The splendour of the interior was amazing: in the 17th century there were about 300 icons in the cathedral, among them the works of Andrey Rublev and Dyonisy (many of them are in the main national museums now — the State Tretyakovskaya Gallery in Moscow and State Russian Museum in Leningrad). In 16th—18th centuries three more churches were added to the Temple: Vladimirskaya Church, and those of Kyrill Belozersky and Epyphany Kipsky. This ensemble forms the main part of the Cloister. Further South there is a refectory together with the Church of Introduction, built in 1519. The bell tower rebuilt in the 18th century connects the Church of Introduction with the Temple of Archangel Gabriel (30-ies of the 16th century). Somewhat apart stands one of the most beautiful buildings of the Cloister — the marquée Church of Euphimy, built by talented peasant architect Kyrill Serkov in the middle of the 17th century.

Characteristic of composite structure of many Russian cloisters, the ensemble continues with the Kazennaya Palace that is connected with the Church of John of the Ladder built above the Saint Gate leading to living quarters. The Church of Transfiguration, built in the second part of the 16th century, rises over another gate in the wall along the Siverskoye lake. There is a “keeper’s house” beside it which opens the row of many other buildings housing complicated economy of the Cloister: kitchen, bakery, numerous barns. This is a rare example of old Russian economic complex. In 1531—1534, on a hill where the legend says Saint Kyrill had dug out his first shelter, the Church of John the Precursor was built. Part of the square adjoining the new temple was called the Small Cloister of John. The refectory and the Church of Sergej Radonezsky, though considerably rebuilt, also survived, together with the neighbouring almshouse. Architectural forms of the Small Ward, built in the 18th century on the lines of ancient architecture, are laconic and expressive.

Walls and towers of the Cloister, Old Town, New Town were raised in the 16th—17th centuries. General impression of the Cloister is created by large towers at the corners and mighty walls. Unruffled calm of 6,500 ft-long walls is disturbed only by loopholes and the rampart.

After the October Revolution it was announced that the Kyrillo-Belozersky Cloister would be protected by the State. In 1924 it was turned into a museum, and in 1968, together with the Ferapontov Cloister, became a reservation.

Some 11 miles to the North lies the Ferapontov Cloister founded by Ferapont, Kyrill’s associate. In 1490 the first stone temple in the vicinity was built here — the Church of Birth of the Virgin. In 1500—1502 it was painted by Dionysius’s team. Paintings were inspired mostly by prayers glorifying the Virgin. These paintings are remarkable for the spirituality of their images stressed by the harmony of proportions, compositional clarity, musical linear rhythm, exceptional richness of colour tones, and are among the most beautiful creations of old Russian art.

Kyriilov. Church ensemble of the Cloister of Assumption	6	Inside of the Svitochnaya tower	73
Ferapontovo. Church of Birth of the Virgin	7	Part of the railing of the Cloister of Assumption	74
KYRILLOV		Masonry. 16th century	75
Cloister viewed from the South coast of the Siverskoye lake	33	Path leading from the household yard to the lake	76
South-East part of the Cloister	34, 35	Part of the wall from inside the Cloister. 16th century	77
South-West part of the Cloister	36—39	North-West wall from inside the Cloister	78
Cloister viewed from the Siverskoye lake	40, 41	North-West wall with the railing over Sviyaga river	79
Coast of the Siverskoye lake near the Cloister. Remnants of the hammered-in logs — ancient coastal fortifications	42, 43	North corner of the Large yard of the Cloister with Moscovskaya tower	80
Wall of the Cloister with Glukhaya, Kuznechnaya and Vologodskaya towers	44, 45	Wall circles of the New Town	81
Glukhaya (Kotel'naya) tower. 16th century	46	Second wall circle	82
Kuznechnaya tower. 17th century	47	Second wall circle. Arch with a loop-hole	83
Svitochnaya tower. 16th century	48, 49	Third wall circle	84
South wall with Povarennaya and Khlebennaya outhouses and over-the-gate Church of Transfiguration	50	Loop-hole for curved firing	85
Vodyaniye gate with the over-the-gate Church of Transfiguration. Second half of the 16th century	51	Inside the Moscovskaya tower	86, 87
Khlebennaya outhouse. 16th century	52	Part of the North-West wall with the Kosaya tower. View from the Moscovskaya tower	88
Wall ornamentation. 16th century	53	Belozerskaya tower. View from the bell tower	89
Povarennaya outhouse. 16th century, reset in 18th century	54	Windows in the South-West wall. View from inside the Cloister	90, 91
Small Meredzennaya tower. 16th century	55	Part of the South-West wall from inside the Cloister	92
South-West wall with Belozerskaya (Large Meredzennaya) and Small Meredzennaya towers	56	"Prison yard" at the foot of the Belozerskaya tower	93
Belozerskaya tower. 17th century	57	Cells in the North-West wall, so-called "jail"	94
Iron forged railing over Sviyaga river. 17th century	58	Inside the cell	95
Troitskiye gate. 17th century	59	Large yard of the Cloister	96
Windows in the wall at the foot of the Belozerskaya tower	60, 61	Large Cloister of Assumption. Holy gate (1523) with the over-the-gate Church of John of the Ladder	97
Moscovskaya (Ferapontovskaya) tower. 17th century	62	Church of John of the Ladder. 1572	98
North wall of the New Town. Kazanskaya and Moscovskaya towers viewed from Vologodskaya tower	63	Church of John of the Ladder. Drum of the dome	99
New Town wall with Belozerskaya and Kosaya towers. 17th century	64	Holy gate. View from the Cloister of Assumption	100
Belozerskaya tower	65	Churches of Vladimir (1554) and Epyphany Kipsky (1645)	101
View of Kazanskaya and Vologodskaya towers	66	Church of Assumption (1497) and Church of Vladimir	102
Kazanskaya tower. 17th century	67	Church of Assumption. Door in the West extension building. 18th century	103
Avenue leading from Kazanskaya tower to Holy gate	68, 69	Central apse of the Church of Assumption. Ornamentation band	104
Part of the Large yard of the Cloister with Vologodskaya tower. 17th century	70	Dome drum of the Church of Assumption	105
South corner of the Cloister with the Kuznechnaya tower	71	Cloister of Assumption. Painting in the dome	106
Svitochnaya tower. Fragment of the decoration	72	Fragment of the painting in the Church of Assumption	107
		Passageway under the belfry viewed from the Church of Assumption	108

Apse of the Church of Archangel Gabriel (16th century), to the right — the Cloister of Assumption	109	"Red" tile. 17th century	146
Portal in the North wall of the Church of Assumption	110	"Red" tile. 17th century	147
Cloister of Assumption. Passageway to the North parvis ..	111	"Red" tiles with ornamentation	148
Belfry. 16th—18th centuries	112	"Red" tile. 16th century	149
Church of Transfiguration and the "keeper's house"	113	Wall woven decoration "Coffining." 16th century	150, 151
South wall of the Cloister of Assumption, to the left — the Church of Archangel Gabriel	114	Glukhaya tower	152
Apse of the Church of Archangel Gabriel	115	Ivanov Cloister. View of Glukhaya and Kuznechnaya towers	153
South corner of the Cloister of Assumption with the Church of Euphymius the Great. View from the belfry	116	Glukhaya tower	154
Church of Euphymius the Great. Belfry	117	Church of Sergy Radonedzsky. 1560—1596	155
Main front of the "keeper's house." 17th century	118, 119	Church of Sergy Radonedzsky. Southern side	156, 157
Church of Euphymius the Great. 1646. View from the Cloister of Assumption	120	Glukhaya tower	158
Church of Euphymius the Great. View from the "keeper's house"	121	View from Glukhaya tower	159
Large ward. 16th century	122	Church of John the Precursor. 1531—1534	160
"Keeper's house" viewed from the household yard	123	Church of John the Precursor. West portal	161
Kazennaya palace. North corner	124	Church of John the Precursor. Door. Fragment	162
Kazennaya palace. 16th—18th centuries. South wall with supports	125	Church of John the Precursor	163
Kazennaya palace. South front	126, 127	Ivanov Cloister. South-West part	164
Kazennaya palace. Ornamentation	128	Church of Sergy Radonedzsky viewed from the North	165
Vodyaniye gate	129	Small ward. 30-ies of the 18th century	166
Gospel. Framework. 17th century	130	Small ward viewed from inside	167
Gonfalon "Appearance of the Virgin to Kyrill of Belozersk in the Simonov Cloister." 1565. Fragment	131		
Icon "Introduction to the Temple." From the iconostasis of the Cloister of Assumption. 15th century	132	FERAPONTOVO	
Icon "Nativity of Christ." From the iconostasis of the Cloister of Assumption. 15th century	133	Ferapontov Cloister viewed from the North-West	177
Icon "Introduction to the Temple." Fragment	134, 135	Holy gate with over-the-gate churches of Epiphany and Ferapont. 17th century	178
Icon "Nativity of Christ." Fragment	136, 137	Church of Birth of the Virgin. 1490. View from the Holy gate	179
Icon "Assumption of the Virgin." From the iconostasis of the Cloister of Assumption. 15th century	138	Trapeznaya Church of Annunciation. 1530—1534. Sheltered passageways	180
Icon "Prophet Elijah." 16th century	139	Belfry	181
Dionysius and his team. Icon "Basil the Great." 16th century	140	Church of Birth of the Virgin. Apses	182
Wall woven decoration "Crucifixion." 1566	141	Church of Birth of the Virgin and the bell tower	183
Two-fold icon. 16th century	142	Church of Birth of the Virgin and the marquee of the Church of Martinianus	184
Box to keep incense. 17th century	143	Belfry, Church of Annunciation (dome), Church of Birth of the Virgin (South-West corner)	185
Altar cross. 17th century. Fragment	144	Church of Martinianus and South wall of the Church of Birth of the Virgin	186
Crosses. 17th century (top in row). Cross. 16th century (down in row left). Altar cross. 17th century	145	Church of Birth of the Virgin (part of the West wall) and the marquee of the Church of Martinianus	187
		Church of Annunciation (East front)	188

Church of Annunciation. South wall	189	Nicholsky extension building. Assumption of St. Nicholas .	202
In the bell tower	190	Nicholsky wing of the Church. Transference of the relics of St. Nicholas	203
Church of Annunciation and the bell tower	191	South-East supporting pillar. Metropolitan Alexius	204
Key to open the Church of Birth of the Virgin	192	Sanctifier	205
Dionysius and his team. Paintings on the Church of Birth of the Virgin. 1500—1502. West front	193	North wall of the Church	206
Central apse. The Virgin with the infant	194	North wall. The 7th Oecumenical Council	207
Inside the Church	195	South-West supporting pillar. Demetrius Solunsky	208
North apse	196	West wall	209
Back of the altar of the North apse. John the Precursor...	197	North wall. The 6th Oecumenical Council	210
Inside the Church. On the North-West supporting pillar — St. George	198	West wall. The 4th Oecumenical Council	211
Central apse. Bishops	199	Lower circle of the painting. Wall woven decoration	212, 213
Nicholsky wing of the Church	200	South-West supporting pillar. Feodor Stratilat	214
Back of the altar of the South apse. Nicholas the Trau- maturge	201	The parvis viewed from the Temple	215